

Н. Сорокин.

ТРИЛИСТНИК

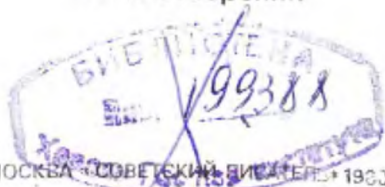
4P2
С-34

013840 - 3 done

Николай Сидоренко

ТРИМСТНИК

Стихотворения

013840

1

Чнулись в радостной тревоге
Луга, поляны и бугры.
Набухли и журчат дороги,
Леса до пояса мокры.

И в сердце грусть легка сегодня.
Шумит, играючи, река.
Как зыбкий плот в волнах разводья
Тень от стволов березняка.

И всюду небо! Солнце всюду!
Даль неоглядна и ясна.
Я снова приобщился чуду.
Русские... моя весна!

И до меня все это было,
А вот быльем не поросло,
Что второнях зима забыла,
Водою полной унесло.

Мне горько думать, что оставляю
Я весен русских синеву.

Но что строкой простою славлю,
Каким я словом назову?

Наверное, совсем негромким,
Но, и негромкое, оно
Услышится моим потомком
И не загинет все равно.

И оп, как я, полюбит скромность
Твоих оттаявших полей,
И палых речек неумность,
И зов усталых журавлей.

Он будет жив тобой, Россия,
Как я, как мой отец и дед.
Не оборвут ветра сквозные
Весенних яблонь белый цвет.

Так пусть же так всегда поется —
Из века в век, из рода в род,
Пока России сердце бьется,
Пока ее хранит народ.

2

Как хороша ты в хлебом поле,
Где жаворонки в синеве,
И на ромашковом раздолье —
С венком на гордой голове.

Тебя я видел в годы битвы,—
Гудел огонь, глаза слепя.
Давно забыл я все молитвы,
Но я молился за тебя.

Моей судьбой ты стала с детства,
Всю жизнь я у тебя в долгу
И надышаться, наглядеться,
Налюбоваться не могу...

В

здыхая, нехотя, устало,
Обламывая берега,
На зов воды, что вольной стала,
Ползут снега... ползут снега.

Ползут и валятся с обрыва
С тяжелым шумом в лозняки,
Где бьется пеннистая грива
Разбудораженной реки.

И мне река бросает вызов:
Мол, усьмири, коль властен ты.
Она с подтаявших карнизов
Срывает походя кусты.

Она в воропках бревна крутит,
С полей сгребает серебро,
Крушит мосты, как будто шутит,
И льдины ставит на ребро.

То вскинет вдруг волну крутую,
Со смехом крикнет: раздроблю!
И я люблю ее такую,
Мне неподвластную, люблю.

Дорога в небе нелегка:
Дождь, ветер, неуют.
И путников зовет река:
Вы отдохните тут.

Но впереди неблизкий путь.
Вожак суров, упрям,
И не дает он отдохнуть
Усталым журавлям.

Вожак смиряет молодежь,
На место гонит, в хвост.
Увидеть юным невтерпех
Тот край остывших гнезд.

Пускай в глазах озер тоска,
Пусть грустен север наш,—
За влажный шелест тростника
Ты многое отдашь.

Где плыли зори первый раз
По розовой воде,
Там все прекрасно без прикрас,
Такого нет нигде.

Болота хлопают, шуршат,
На кочках спят ужи.
А сколько глупых лягушат —
Лови, хватай, держи!

Вожак, он понимает их,
Он сам таким бывал,
Но не настал урочный миг
Спуститься на привал.

Простором научись владеть —
И позабудешь ты,
Что можно вдруг не долететь,
Сорваться с высоты.

Чуть виден журавлей отряд
В волнах весенней мглы.
Они устали, но летят!
Курлы, курлы, курлы...

За пеловодьем дождь с грозюю.
Гром оттремел, а он все льет.
Мелькнуло небо бирюзою —
И снова туч лиловый лед.

Версты на две, на три от плеса
Ушла в луга вода реки.
В грязи тележные колеса,
Буксуют все грузовики.

Плутая в лужах, вьется робко
Едва заметная стезя —
С утра протоптанная тропка,
Где разойтись двоим нельзя...

Выходят из калитки гуси,
Галдят: вода и там и сям.
Погода в их извечном вкусе,
И поведи себя дураком.

В эту пору темным водам снится
Битый лед, разгул в пустых полях.
Мне ничто не снится, мне не спится.
Ляг под вечер или в полночь ляг.

В эту пору и земле не спится —
Ляг под вечер или в полночь ляг.
Ночь журчит, и плещет, и струится.
Тише. Слушай... Паводок в полях.

Это с небом говорят деревья,
Это воды всходят на бугры,
Это позабытые кочевья
Жгут всю ночь полынные костры.

Видно, дремлет предок в человеке,
древний предок в тайной глушине.
В эту пору и в двадцатом веке
Оживает кровь его во мне.

И ли сна и ни покоя нету.
Птица одинокая кричит.
Небеса туманятся к рассвету.
Рассветет — и птица замолчит.

И земле и людям будет спаться,
Им, как прежде, будут сниться сны.
Будут плыть и медленно качаться
Над полями корабли весны...

Ж

огда веселые кукушки
Вещают раннюю весну,
Уходит он с лесной опушки,
Уходит в чащу, в тишину.

И там лежит в молчанье, сиясь
Припомнить молодость свою.
Его рога тогда кустились,
Чужая кровь лилась в бою.

Теперь простой ручей — преграда,
Кустарник частый обходи...
Любил он в пору листопада
Ночные теплые дожди.

Любил он в ельнике с лосихой
Стоять до самого утра
Под плеск, таинственный и тихий,
Воды, стекающей с бугра.

А после шли пастись к озерам,
Кору подмокшую глотать.
В осиннике зеленокором
Была такая благодать!

Когда он уводил от пули
Подругу верную в леса,
Они подлесок с треском гнули,
Как просек — следом полоса.

Он завтра, может, и не встанет,
Не втянет ветер голубой,
Труба раскатисто не грянет,
Зовя соперника на бой.

В апреле снова зелень брызнет,
Лось молодой возьмет свое...
Как видно, в этом мудрость жизни
С неумолимостью ее.

Ж

лопья белые о стекла бились,
Ветер плакал у замерзших рам,
А сквозь стену глухо доносились
Медленные гаммы по утрам.

Я под музыку вставал пораньше —
В льдистом свете первого луча.
Но однажды мама к музыкантше
Пригласила детского врача.

В тишине внезапной не писалось,
За стеной — ни звука. Что с тобой?
С вечера зима с Москвой прощалась,
Утром хлынул ветер голубой.

В нашем доме распахнулись гаммы
Ветер дул сумашу со стола,
И в мое окно ворвались гаммы —
Музыка поэзию звала.

Тоненькие пальчики играли,
День лучился струнным серебром,
Козлики бодались на рояле,
И весна плескалась под пером.

Воробей слетел на подоконник —
На облупленный, щербатый край.
Вот тебе еще один поклонник...
До чего же хорошо! Играй!

1

В от оно вздохнуло раным-рано,
И пошел от рыбы первый круг,
И за редкой пеленой тумана
Берега забрезжили вокруг.

От зари, что растекалась выше,
Золотел на взгорке новый сруб.
Всплыли ветлы, и холмы, и крыши,
Красные столбы фабричных труб.

Город выплыл — в маковках, в антеннах,
Тихо опрокинулся в воде.
Озеро, в разводах белопенных,
Лодки закачало в слобode.

Синева небес, песок падающий
И холмы в зеленой тишине
Дали цвет воде его студеной,
Дали переливчатость волне.

За моей спиной — сухие снасти.
В это утро на воде большой
Землю недосказанного счастья,
Землю жизни слушал я душой.

На площади — она зовется Красной —
 Днем тишина, и вспоминать былое
 Спокойно князю.

Здесь ведь он родился,
 Здесь принял клятву:

и душой и телом
 Возлюбленную землю заслонять,
 И вскорости побил отменно шведов —
 Во славу нас —

у северной воды,
 Домой, усталый, воротился Невским.

У памятника молча я стою.

А князь глядит на вольные просторы —
 На синее, зеленое раздолье,
 И слушает, как льется плавный Трубеж,
 Текущий с Берендеевых болот.
 И думает, чело подставив ветру,
 Князь о своей и о моей России,
 О верности народа, о славя
 Что обагрят солнце алой кровью
 И не щадили в правом ратном деле
 Достатка своего и живота.

Лежат цветы на каменном подпожье —
 Сердечный дар лугов родных,

а рядом
 Могила двух железных комиссаров,
 Что храбро пали на большой заре...

Эти древние валы крутые,
Где под вечер слышен звон гитар,
Берегли в столетиях Россию
От степных монголов и татар.

Кони долгогривые храпели,
Шла на приступ дикая орда,
Лился вар из бочек, стрелы пели,
Багровела в Трубёже вода.

Насмерть славная дружина билась,
До утра стояла плеч оплеч.
Ворон каркал, и заря дымилась.
Кто б сказал — кому в могилу лечь?

По валам идут влюбленных пары,
В клубе трубная играет медь.
Вышли из гостиницы татары,
Чтоб старинный город оглядеть.

Н

е видя дна, не зная броду,
Вхожу в траву, как входят в воду.
Шагнул — и сразу до колен,
И сразу взят в прохладный плен!

Я наугад иду-бреду
И разгребаю на ходу
Густую, спелую траву.
Мне кажется, что я плыву.

То сносит в сторону меня,
То окунает с головой.
Порой мелькают за травой
Купавы солнечного дня.

Захлебываюсь, а плыву.
Ослабевают взмахи рук.
Плыву — на помощь не зову.
Какой глубокий плен!

Блестит в лучах слюда стрекоз.
Раздольны луга берега.
Какой простор! Какой покос!
Какие вырастут стога!

С вет лунный, как влага, течет по стволам,
Сосет его мох с темнотой пополам,
И кажется, будто окликнут сейчас
И вспыхнут зрачки фиолетовых глаз.

Иду, и все глубже и глубже следы.
Кустарник в тумане от близкой воды.

Раздвинув листву, я на свет выхожу,
На длинное озеро молча гляжу.

Раскрыты кувшинки и пьют тишину,
Опущены стебли к холодному дну.

Из черной воды, вся в зеленой луне,
Отжав свои волосы, прямо ко мне
На берег пологий выходит русалка...

Но в жизни ведь нету русалок. А жалко!

*Н*ам тесен купол синей крыши,
А говорят, что есть простор...
Дерзайте! Порывайтесь выше!
Пусть сердце глохнет, как мотор!

Нет, пусть не глохнет в безголосье,
Пусть бьется долго для земли,
Где люди есть и есть колосья,
Где на цветах гудят шмели...

О, как желал бы я навеки
И речки подмосковной нить
И звезд немыслимые реки
В один поток соединить!

Речка Сетунь, не сетуй,
Что мала, не быстра.
Рекам всем знаменитым
Ты родная сестра.

Если б ты не струилась
Лозняками, в тени,
Не горели б на стрепях
Путевые огни.

Невелички речушки
Повстречаются вдруг —
И веселая Клязьма
Выбегает на луг.

Так не только у речек,
Так и в жизни людской.
Что шумит полноводной,
Псеумной рекой.

И выходит, что Сетунь —
Синей Волге сестра.
Речка Сетунь, не сетуй,
Что мала, не быстра...

на весной листвою всей
Светилась над прудом,
Где я корзиной карасей
Ловил с таким трудом.

Когда в июльский летний зной
Я у нее гостил,
Она склоняла надо мной
Прохладный свой настил.

Когда под осень в даль дорог
Срок птицам улетать,
Ни дуб, ни вяз, никто не мог
Так, молча, горевать.

Но леденела в ночь вода,
И утром, в тишине,
Под белым снегом вода
Она сияла мне.

Все это — детство, все ушло
За грани зим и лет!
Листвой и снегом замело,
Дождями смыло след.

Ушло... Но милый образ жив:
Склонясь к воде, она,
В ладони косы уронив,
Печалится одна.

О том ли, что недолгий век
Отмерен в жизни ей?
Что не вернулся человек
Под сень ее ветвей?

А человека даль звала, —
Лишь снилась наяву
Кора душлистого ствола,
Ушедшего в листву.

И правда есть в словах простых:
Тому в пути трудней,
Кто не оставил никаких
В родной земле корней.

И может, камень всех дорог
Был пухом оттого,
Что образ ивы я сберег
У сердца своего...

Художнику Вл. Клопову

Ж

а взгорке сосны. Облака
С утра сплываются к долине.
Тьма бесконечно далека
От этой зелени и сини.

И мы не думаем о ней.
Все будет долго-долго длиться,
И хватит нам на много дней
Листать картины, как страницы.

Восторг со скорбью пополам,
И не холсты, а песни жизни.
Ты неподвластен похвалам
И недоступен укоризне.

Простерлась над ручьем ветла,
И кузовок плетет подпасок...
Сгорев, ты не оставил дотла,
Оставил свет и щедрость красок.

Огонь весеннего костра
Играет солнечною силой,
И жизнь, как старшая сестра,
Склонилась над твоей могилой.

т полусна до пробужденья
Почти ночная тишина
И листьев влажное свечение
У незакрытого окна.

Еще зорянке что-то снится
И воздух сизый не летуч...
Но открываются ресницы,
Плутает в листьях первый луч.

Еще не сказано ни слова,
Еще на ветках нет погонь,
Но на плече ощулась снова
Всю ночь дремавшая ладонь.

Спасибо долгому доверью!
А вот и ветер вспомнил нас,
Листву задел и хлопнул дверью,
Он будет в комнате сейчас.

И сразу хлопоты начнутся,
Начнется синий день опять.
Как хорошо вдвоем проснуться,
Восхода солнца не проспять...

М

ы смотришь в парк!

Невдалеке

Вспорхнула птица...

Непонятно,

Что розовеют на платке,

Тихонько расплываясь, пятна;

Что на террасу вышел врач,

А не начштаба, как бывало;

Что крышами больничных дач

Вдруг полотно палаток стало;

Что оттеснил толпу друзей,

Листву зеленых гимнастеров

Латинский разговор врачей,

Сестер дежурных легкий шорох...

Темнело. Грозовой патек

Сгущался на вершинах парка,

И ты, прижав к губам платок,

Сострел и кап...

Было жарко,

Большая капля проползла

По светлой приоткрытой раме,

И вдруг, с палету, как со зла,

Ударил ветер лопухами

В забор дощатый. И затих.

Метнулась пыль пугливо низом —

И разом тысячи шутих

По яблоням и по карнизам

Черкнули синим светом вкось,

И пад изогнутой рекою,
Казалось, небо прорвалось,
Казалось, вольтовой дугою
Распаян матовый свинец,
И в эту прорезь, в этот прожиг
Ударил в землю наконец
Размашистый и крупный дождик,
Косой немного...

По песку

Пыльца летела дождевая,
И, позабыв свою тоску,
Ты высунулся, напевая,
До половины из окна.
Упала струйка на затылок.
Перед глазами шла весна
Без морфия и без бутылок
С водой горячей...

Шла гроза

Над парком бреющим полетом.
И ты смотрел во все глаза,
Как тучи строились по ротам,
Как била молния в луга
Стрелой слепяще-голубою.

Хотелось выдвинуть папак

Чтобы примкнуть к такому бою
Земли и неба.

Горяча

Была земных твердынь осада.

Вдруг за спиной шаги врача.

— На сквозняке стоять не надо...

если хочешь на раздолье видеть
В свежих травах чистые ключи,
Научись болото ненавидеть
И тому же сына научи.

Если хочешь в синем небе видеть
Ласковые, добрые лучи,
Научись потемки ненавидеть
И тому же сына научи.

У

ж многих из нас не хватает!
Как вспомнишь, душа холодеет.
Так роца из мачтовых сосен
Во время порубки редее.

Мы смотрим на синее небо,
А быть бы могло и иначе.
За угол не прячась от пули,
Мы вынули жребий удачи.

Нам жизнь улыбнулась, как прежде,
Пришли мы к родным и любимым.
Легла непосильная тяжесть
На плечи, пропахшие дымом.

Но все по плечу оказалось,
Мы, видно, бывалое племя.
Безжалостно инем ранним
Солнцем, падавшим в долины.

Поем мы задумчиво песни
О дальних походах, о войнах,
О звездах, о девушках нежных,
О наших сердцах беспокойных.

Покою не ведает сердце.
Да здравствуют сборы в дорогу!
Люблю неизбывной любовью
Всегда молодую тревогу.

Владимиру Луговскому

Он умирал и, навзничь лежа,
Шептал беззвучно: жить хочу...
Был утренник других моложе,
И ветер задувал свечу.

Корона дальнего Ай-Петри
Светилась на пути дневном.
Он умирал при полном ветре,
При полном море за окном.

Жена, откинув занавески,
Смотрела в море. Ей в глаза
Вливался юг в цвету и блеске,
В камнях ломалась бирюза.

Он умирал... А было время —
Невозвратимые года:
Горела на потертом племе
Па...

О, юность! Время боевое —
Чонгарский мост. В огне Джанкой...
Он просто дремлет после боя
Над педописанной строкой.

О, этот бой с утра! Какой по счету —
Седьмой, двадцатый ли, сороковой?
Огонь настильный жал к земле пехоту,
И ты дышал горелою травой.

Перебегал, кричал, себя не слыша,
Стрельбы не слыша, до того оглох.
Вдруг небо обвалилось, будто крыша,
И медленно под тяжестью ты лег.

Ты был среди уставших и упавших
И как попало распростертых тел.
Все кончилось для смертью смерть
поправших,
День кончился для тех, кто уцелел.

Леса лежали тихие, сожженные,
Живые спали так же, как сраженные...

Д

в двадцатый век, он к людям был жесток...
По мутно-желтой снеговой воде
Ты шла к гадалке, кутаясь в платок:
А вдруг поможет старая в беде.

Упорно, жадно ты и год и два
Пропавшую в войну искала дочь.
Ни телеграмм заплакавших слова,
Ни слухи не могли тебе помочь.

Разрушен дом, и над большой рекой
Торчат обломки обгорелых стен.
Да разве был когда-нибудь покой?
Да разве будет что-нибудь взамен?

Горели щеки. Падал мокрый снег...
В несчастье суверен человек.

М

ы в юности еще приснилась мне,
Ты мне обещана давным-давно.
Так из-под снега тянется к весне
На смутный зов дремотное зерно.

Который год живу одной тобой,
И все года слились в единый миг.
В тревожный час мы сведены судьбой,
Не оттого ль он памятной других.

Как я с войны вернулся, не пойму.
Ты отводила от меня беду,
И я пришел к порогу твоему
Лишь потому, что ты ждала: приду.

Любовь моя, тобою почь светла.
О, если б ты меня пережила!

М

олько горе бывает гранитное
В одиноком молчанье своем.
Ну, а счастье — оно беззащитное,
И беречь его надо вдвоем.

На войне я б не сладил с безмерностью
Дочерна обожженных дорог,
Если б счастье любовью и верностью,
Как и ты вдалеке, не берег.

П

опутный ветер любят паруса,
И на душе у кормчего светло.
Шуршит чуть слышно пены полоса,
Почти недвижно длинное весло.

При бортовом острей вперед гляди:
Стреляет парус, как пастуший кнут.
Зато при встречном доброго не жди —
Весло и мачту руки бури гнут.

Всю ярость жизни будит он в тебе,
Стихию поднимая на дыбы...
Бесстрашие приходит к нам в борьбе,
В единоборстве духа и судьбы.

Вот почему мне ветер встречный люб,
Шальной и гневный, рвущий песню с губ.

Н

адбровья сизые нахмурив
И воду замутив внизу,
Ночь, вся в зарницах, на Амуре
Сулила скорую грозу.

За островами чернь зазубрин
Качнула душная тайга,
И сонка стала вдруг изюбром,
Сторожко вскинувшим рога.

Шатнуло мглу на гребнях пенных,
И где-то провод ныл, моля.
В свеченьях резких и мгновенных
Скользила под воду земля.

Рванулся под железной крышей
На якорях речной вокзал.
Был стук тяжелых капель слышен,
Как только ветер исчезал.

И хлынул дождь! Нетерпеливо
Хлестали мокрые жгуты,
Распарывая вдоль залива
Брезент горячей темноты.

Сшибались лодки у причала,
И камни прыдали по дну,—
Река вздымалась и качала
Холмообразную волну.

Река шумела под форштевнем,
Был гром из дальних амбразур,
И по своим законам древним
На берега всходил Амур.

Вот он, шумя, без дна и края,
Несет судьбу свою тайгой,
А гром грохочет, ударяя
В Амур небесной острогой.

2

Пятый день вода на прибыль,
Ронци плещут под водой,
И в ветвях гуляют рыбы
Серебристой чередой.

Звери в сонки отступают,
Волны в избы забегают —
Только комнаты пусты.

И Амур глядит сердито,
Рвет на клочья кружева.
Все седой водой покрыто,
Захлебнулись острова.

Берега бывшего мира
Смутно брезжат, далеки.

Одинокого буксира
Реют длинные гудки.

Долго отклика не слышит
Ниоткуда капитан,
А крутом кипит и дышит
Пресноводный океан.

Но, стихиям в назиданье,
Днем и ночью, как всегда,
Соблюдают расписание
Пассажирские суда.

3

Широкодонная угда
Скользит под нарусом лебяжьим,
Летит как песня сквозь года,
Как тень орла по заовражьям.

Гранит кустарником порос,
Тайга шагает по протоке.
По вечерам на тихий плес
Выходит...

Своим законом зверь живет,
Свои порывы птицей правят.
Тут бег, и всплески, и полет
Леса, волну и небо славят.

И от зари до поздних звезд
На тихих плесах, на гранитах
Сияет мир, суров и прост,
В глазах реки, всегда открытых.

Нет ни дали, ни близи,
Только ливень, туман.
Гонит озеро Кизи
Катеров караван.

Нет ни левых, ни правых,
Никаких берегов.
Тут уж надобен навик,
Прав крутой моряков.

Чтоб скрутить непогоду,
Сладить с черной водой,
Смотрит в червую воду
Морячок молодой.

Рыщет катер в потемках
По велестьям руля.
В шуме, в наплесках громких
Наплывает земля.

На великом Амуре,
Бескрайней пуги
Смог товарищ сквозь бурю
Караван провести.

Так же, если хотите,
Отгоняя покой,
По легендам событий
Проходил Невельской.

Нет ни дали, ни близи,
Коль стремишься вперед.

Нет ни озера Кизи,
Ни арктических вод,—

Есть во взорах суровых
Лишь бессмертная цель
Открывателей новых,
Вечно новых земель!

Ц

веты цветут на праздничном столе,
Цветут в подвале и под чердаком,
И на сырой кладбищенской земле,
И сад и луг твоим цветам знаком.

Привыкло сердце с ними разделять
Час расставанья и свиданья час.
Не потому ли выюга рисовать
Цветы на стеклах учится у нас.

Люблю, когда приносишь ты цветы —
Осенние и первенцев весны.
С одними входит скромность простоты,
С другими свет и радость новизны.

Пусть горе, смерть... А все ж цветы цветут,
И ничего нельзя поделать тут!

Ж

е грусти, что вечереет,
Что погас огонь заката, —
К нам придет заря другая,
Прежней юностью объята.

Не грусти, что уезжаю, —
Я приеду, может статься,
В час, когда лесные птицы
К старым гнездам возвратятся...

Без дороги и разлуки
Сердце каменным бы стало.
Без восходов и закатов
На земле бы ночь стояла.

1

власть просторов бесконечных!
Ты человек, и все твоё.
В руке кремневый наконечник,
А где же выломать копьё?

Тебе по праву детства видны
Морей зеленое стекло,
И папоротник древовидный,
И с перепонками крыло.

Бежит к тебе, и смугл и топок,
Покинув племена ночлег,
Допсторический ребенок,
Твой верный спутник — мальчик Крэк.

Толчок! Дремучее виденье,
Едва родясь, распалось вдруг,
И самолет мгновенной тенью
Промчался, обгоняя звук.

В лугах поыхивает трактор,
Бензиновый дым летит, курясь,
И исчезает птеродактиль,
Времен далеких рвется связь.

В глазах — недолгая досада,
И так не хочется грустить...
Ты фантазируй, это надо,
Без этого труднее жить.

2

Ты сел, задумчив и встревожен,
На теплый от лучей валун.
Вдруг воздух зазвенел от дрожи
Тугих, еще незримых струн.

И вот стремглав, из-за откоса,
Как будто пущен из пращи,
На крыльях, отнесенных косо,
Он промелькнул. Ищи-свищи!

И только снежный след остался
И долго таял наверху...
А ты уже в пространстве мчался.
Ты в племе, в куртке на меху.

Не в самолете, а в снаряде,
Не над землей, а от Земли.
Туманностей густые пряди
Спокойно плавали вдали.

И ты туда ворвешься тоже!
Ты от себя отжал рычаг.
Как эти звезды непохожи
На те, в твоих земных ночах!

Не будет небо в «белых пятнах»,
Шагнет за звезды бытие.
О, власть просторов необъятных!
Ты человек, и все твое.

Нам веком вручена награда —
Мечте и родине служить...
Ты фантазируй, это надо,
Без этого труднее жить.

Ж

а дальнем склоне — виноградник,
Правее — рощица олив.
К полудню время. Очень душно.
Пылают небо и залив.

Навстречу стройная крестьянка
Ребенка бережно несет.
— Кто ты, скажи? — Я Форнарина.
— Где дом твой? — Возле тех высот.

Быть может, к рыбакам веселым
За свежей рыбою она
Сошла сюда, на берег плоский,
С зеленых гор, как с полотна.

Мне показалось: ей известно
Все, что в душе моей ношу.
Она поведливо и просто
Ждала — о чем еще спрошу?

Но я молчал... Прижав ребенка,
Она своим путем пошла.
И чистота и беззащитность
Да охранят ее от зла.

Был полдень. Было очень душно.
Пылали небо и залив.
Я вдаль смотрел — на виноградник
И на дымок среди олив...

Ж

ак ты ко мне была добра,
Как ты всегда была щедра,
Как снисходительна была...
Учила слушать вешний гром,
Плеск лебединого крыла
Над половодьем с серебром.

Не ставила ты мне в вину
Стихи, ошибки, озорство.
Ты проводила на войну
Солдата — сына своего.

И был со мною вешний гром,
Плеск лебединого крыла —
И батарея за бугром
Убить солдата не могла.

Затем же свалила вдруг,
Когда сияло все вокруг,
Твое лицо заволокла,
Затмила мой зеленый луг...

Прости меня...

Я разложил костер на берегу
И не позволю умереть огню.
Сучки подкладывая, сберегу,
До нового рассвета сохранию.

И если, задувая, ветер злой
Нагонит дождевую полосу,
Цветок огня я заслону полкой,
Ладонями прикрою и спасу.

Была бы только искорка жива, —
Раздую угли, разгребу золу.
Огонь опять возьмет свои права,
Согреет сердце и раздвинет мглу.

Вот он шумит, играет. Будет жить!
Я научился счастьем дорожить.

Н

а погосте багровеют маки,
Колосится буйная трава,
Суется птицы-забияки,
Стороной ипак везет дрова.

Вон дорога, что идет долиной
В горы, к древнему монастырю.
Горизонт оттуда виден длинный,
Там, быть может, Грин встречал зарю.

Слушал ключ, по-детски говорливый,
Пил с ладони жадно, по глотку.
К людям возвращался он счастливый, —
Он сегодня обманул тоску.

Под пером волшебю оживали
Дерзкие романтики и та,
За туманом, в дымчатом овале,
Незнакомка — фея и мечта.

Что же делать, коль судьба судила
Так, а не иначе, и поэт
Сжег себя, чтобы звезда светила
Тем, кто смотрит кораблям вослед.

...Ждет автобус. Ночь на косогоре
Сказку запирает на засов.
За хребтом, где вечно плещет море,—
Дальний отсвет алых парусов.

Старый Крым

Она берет начало с полуслова,
Порой с неловкого пожатия рук.
Пусть мы ни разу не сойдемся снова —
Без колебаний верю: это друг.

Порой в досадной и целепой ссоре,
За вспышкой гнева, потаенно, вдруг,
Как откровенье — искорка во взоре,
И сердце потеплеет: снова друг.

М
ерновник спит. Молчит суровый камень.
На камне — иней. Полночь. Тишина.
Плывут над голубыми ледниками
Созвездий кочевые племена.

В ущельях скал, среди хребтов Тянь-Шаня,
Орлы когтят тысячелетний прах.
И пограничник словно изваянье,
С времен Тимура вставшее в горах.

1958

Я спать ложусь, а он в полете,
Я просыпаюсь — он летит,
Он, из земной возникший плоти,
Разведчик сказочных орбит.

Давно ли в маленькой Калуге
Мечтал ученый, как поэт,—
И вот, смотри, на лунном круге
Мелькает тень его ракет.

Пускай живем мы в век тревожный —
Мы сами направляем век,
И невозможное возможно,
Когда дерзает человек.

В зор любимой так же нежен,
Сердцу все дано сполна,
Скоро бабочки черешен
Запорхают у окна.

Одуванчик у порога
Вскинет желтый хохолок...
Отчего ж порой тревога
Входят к нам через порог?

Видно, кто-то с нашим счастьем
Не согласен жить в ладу.
Кто побить цветенье властен
В этом солнечном саду?

Жаворонка над равниной
Кто посмеет подстрелить?
...За дунайскою стремниной
Пал наш друг, а мог бы жить.

Знал он, оплативший кровью
Дней недалгих мирный труд:
В Приднестровье, в Приднестровье
Снова мальвы зацветут.

Равний гром за лесом грянет,
И прольются небеса,
И стократ дорожке станет
Волги вольная краса.

Знал он: всех дорожке кладов
Нежность жеп и смех детей
В век летающих снарядов
И межзвездных скоростей.

Представь на миг, что музыка исчезла,
Что нет созданий кисти, нету книг, —
Твой дух убила бы слепая бездна,
Твой свет погас и высох твой родник.

Была бы жизнь твоя ожесточенной
Под этой звездопадной синевой,
Когда б не мрамор одухотворенный
И не ключи поэзии живой.

Холодный разум — он жесток без чувства,
И этот мир преображаешь ты
Лишь потому, что мысль твою искусство
Уносит к солнцу силою мечты.

*М*ой русский край, тебя люблю я крепко,
И на земле ты всех дороже мне.
Баранчики и желтая сурепка
К лесной воде сбегают в тишине.

В густой осоке, в отраженных тучах
Перебирает камешки ручей,
А за проселком, на ветвях плакучих,
Качает ветер домики грачей...

Мы все прошли нелегкую дорогу,
И грозы были, и беда была,
Но нас всегда к отцовскому порогу
Березка белая звала.

О пушка в позолоте тусклой,
Березки небольшого роста,
И облака равнины русской...
Как это вечно все и просто.

Вот так бы жить и жить в покое —
Зовут озера, манят рощи.
Но только время не такое.
Оно суровее и жестче.

Ж

едавно кусты бересклета
Надели сережки свои.
Ушло ненаглядное лето
По шпалам стальной колеи.

Опять березняк увядает,
И стекла в холодном поту,
И нехотя ночь разбавляет
Луною свою черноту.

Порой донесется до слуха,
Как стебли шуршат в полумгле,
Последние яблоки глухо
По мокрой колотят земле.

Не тянет меня к разговору.
Не думай, что я пелюдим.
В ненастную позднюю пору
По мосткам долой поспешим.

Пусть сеется дождик устало
И капает в кадку вода.
Зима бы скорее настала,
Все в солнце, пришли холода!

Природа в своем постоянстве
Покоит и мучает нас.
А спутники мчатся в пространстве —
И звездный меняется час...

П

устынная пора листопада,
И больше, пожалуй, не надо
Бессонниц, прогулок на плес.
Зимы надвигалась громада
На тихую нежность берез.

Пусть легким покажется бремя,
Во всем рассудило нас время,
И время разводит мосты.
Как белая бабочка в темноте,
Мерцаешь и светишься ты.

Мне дальнее сердце светило.
И мне не под силу та сила —
И сдался я ей до конца.
Прости, если ты не простила,
Не прячь дорогого лица.

Все ночью холодной обмано:
Залитая мглой поляна,
И с черной водою бочаг,
И шарф голубого тумана
На худеньких, узких плечах...

Лес окончился. Заря лежала
В мокром поле, на краю небес.
И еще, я помню, ты сказала:
— Все кончается... любовь и лес...

Я не думал никогда об этом.
До чего просты твои слова!
А заря горела тусклым светом —
И она кончалась. Ты права.

Вспыхнула. Погасла. Ночь лежала
Глубой мрака. Горизонт исчез.
Нет, неправда! Ты ведь знала, знала,
Что бывает и бескрайний лес!

С умрак. Вспышки папиросок
Да фонарь проводника.
Отсыревший отголосок
Паровозного гудка.

Искры в тамбур залетели.
Рельсы дрогнули едва.
На клеенчатом портфеле
Укачалась голова.

Чей-то храп. И бормотанье
Под навесом темноты.
Ожиданье. Расстоянье.
Ветер в штору. И мосты.

Бьет ли ночь дождем колючим,
Льется ль полдень голубой —
Неизменен, перазлучен,
Всюду ездит за тобой

По разводьям и по кочкам,
В смене суток и педель
С перержавевшим замочком
Твой инструкторский портфель.

Кто-то сунул в цифры сводок,
В расписание поездов
Мыло, сверток бутербродов,
Пару питяных носков.

Тянется дымок махорки.

А вагоны мчат и мчат.

Рощи. Пустоши. Пригорки.

Речки. Рельсы. Листопад...

Ты ушиб впотьмах колено,

Чахлый садик обошел.

Идут. В телеге много сена,

Ехать будет хорошо.

Холодок ползет по коже.

За водой — туман в лесу.

В небе светит все, что может

Удержаться на весу.

А. Г.

М

ы называла небесами
Недавно небо над рекой,
Ты утонала в них глазами,
Хотела зачеркнуть рукой.
Шли облака под парусами,
Шли караваном день-деньской.

Нам представлялось в полдни эти
Все в мире ясным и простым,
Хотя, случалось, на планете
Рассвет и не был золотым
И в свежей утренней газете
И гром гремел и стлался дым...

Тускнело лето постепенно,
Сдувало паутину вдаль.
И грустно и чего-то жаль.
При лампе, в музыке Шопена,
И легче и светлей печаль.

Печали — час, раздумью — время.
Куда уйдешь ты от тревог,
Кому передоверишь бремя?
И захотел бы, да не смог.
Но солнце манит к новой теме —
Открылся неба уголок.

Смотри, смотри, заголубело,
Березы светом залиты,
Лучистый зайчик прыгнул смело
На грядки прямо с высоты.
Минута... две — и потускнело,
И молча улыбнулась ты.

Ты вспомнила весну и лето,
Их издали благодаря
За щедрость зелени и света,
За то, что теплая зоря
В лугах вставала, а не где-то,
И не боялась сентября.

Позавчера лишь проводили
Алешу, друга по войне.
Ночь напролет проговорили
В домашней нашей тишине
И, сидя на крыльце, курили
При незадачливой луне.

Мы все на память пересбрали,
Как будто путь, ли не вчера
На запад по грязи шагали,
Промокнув, грелись у костра.
Близки отмеренные дали
И поступь времени быстра!

Алеша вспомнил взгляд мой гневный,
Когда он, если был привал,
Трунил, что рапорт ежедневный
Тебе я слать не забывал.
Дальневосточной королевной
Тебя он в шутку называл.

От Пинска до Владивостока
Езды не меньше трех недель.
Поди, к концу такого срока
Протрется в тамбурах шинель.
Страна раскинула широко
Просторы неба и земель.

Войну мы отпугали вместе,
Помыли в Ширее котелки
И — в путь опять. Сказать по чести,
Мы стали на подъем легки.
Алеше — служба в Бухаресте,
Мисе — берега Москвы-реки.

Его душа была бы рада
Лететь в семью, на огонек,
Да в Ленинграде от снаряда
Жена погибла и сынок.
Давным-давно спята блокада,
А он поныне одинок.

А в феврале сорок восьмого
Родилась девочка у нас.
В пасху спокойствия земного
Пошла косичка в первый класс.
Но черный ворон кружит снова,
Чтоб огонек в окне погас.

Алеша нам на школьной карте
Военных баз лопатес кольцо,
И может враг в слепом азарте
Вселенной опалить лицо,
И в час любой — в июле, в марте —
Займутся рощи и крыльцо.

Взгляни на рощи Подмосковья,
На мирные поля взгляни:
Ложатся утру в изголовье
Который день и год они!
Твой свет оплачен нашей кровью,
Земля, родная искони.

В каких ты битвах устояла,
Европу ты спасла в плечи,
Перековав свои орала
На справедливые мечи.
Россия, сколько ты страдала,
А все журчат твои ключи!

Журчат ключи, и в полднях знойных
Идут к прохладе косари.
А кто-то думает о войнах
И прокликает час зари.
Но волей мудрых и спокойных
Зарю хранят богатыри.

И все слышней той воли голос,
Несчетно у нее друзей,
~~И жалеет, что не может~~
И с гнезд летят птенцы стрижей.
Со смертью насмерть жизнь боролась —
Всей властью и любовью всей.

Буксует в колесах трехтонка —
Навоз вывозят на поля.
Слиница жалостно и тонко
Свистит, конец тепла суля.
Вверх дном темнеет плоскодонка,
В канаве мокнет конопля.

А за дорогою, на пашне,
Дымок летает голубой.
Текут возы к силосной башне
С листом капустным и ботвой.
Все так обычно, так всегдашнее —
Не веришь дали грозовой.

Грибные прихватив конешки,
Собаку кликнув, шли мы в лес.
Сухие падали иголки,
Лист пролетал наперерез.
Березняки, осипшик, елки
Сушили множество чудес.

Вот белый гриб уселся плотно
Под елочкой, забрался в тень.
Масленок юный беззаботно
Шапчолку сдвинул набекрень.
Льняные синие полотна
По просекам развесил день.

Охвачен лес огнем багряным,
~~Лилово-золотым костром~~
умчались птицы к жарким странам,
Свистя серебряным пером.
Все реже по утрам туманным
В реке полощется паром.

Следа за медленною тучей,
Из леса вышли мы к реке,
Где вост свежестью излучий,
Где щуки дремлют в тростнике
И где под ивою плакучей
Белеет бакен на песке.

Уж он не нужен плотогонам,
И ни к чему он катерам.
О берег трется с ломким звоном
Вода, тугая по утрам.
Лозняк, что был вчера зеленым,
Весь отдан осени кострам.

Они горят с веселым треском,
Затлела бурая трава.
Пожар идет по перелескам,
Летит спаленная листва,
Вздувает пламя ветром резким,
Как золотые кружева.

Владеет осень древним правом —
Жечь все, из дома уходя.
Огонь играет по дубравам,
Полян и просек не щадя.
К московским бы дошел заставам,
Когда бы не было дождя.

Сначала брызнул, в шутку словно,
И заликает хладнокровно
Костры осинки и берез.
Мы смотрим, схоронясь за бревна,
Как пузыри пускает плес.

Нас бакащик позвал в землянку,
Старик Никитич. Весь район
Ему как свой, ведь спозаранку,
С весны до заморозков, он
Беседы, шутки, перебранку
На плесе слушать обречен.

Паром-то рядом. То и дело
Пустой и деловой народ,
Чуть только небо побледнело,
Спует, поди ж ты, взад-вперед.
Кто осмотришь, а кто и смело
Про все на свете речь ведет.

Лежат наколотые чурки
За лавкой строганой, в углу,
Вскипает чайник на печурке,
Никитич пригласил к столу.
С дымком картошка и в кожурке.
Как хорошо подсесть к теплу!

Поговорили мы о клеве,
О браконьерских неводах,
Что русских рек беречь здоровье
Должно за совесть, не за страх.
Потом хозяиц, хмурия брови,
Повел о мировых делах.

Жалел людей в горячих странах,
Брали теснителей земли,
Тошноту в вагонах океанов
Со страшным грузом корабли,
Был рад, что прежде безымянных
От верной гибели спасли.

Хвалился, что ломает ветки
Антоновка в его саду,
Что яблоки по вкусу редки,
Ну словно вызрели в меду.
И что завидуют соседки
Ему и в нынешнем году...

Дождь пронесло, и мы, сухие,
Шли стезжкой к дому — я и ты.
Блестели капли дождевые,
Черпели палые листья.
Прощалась с осенью России,
Погружена в свои мечты.

Лес замирает в безгололье,
В полузабвенье, в полусне.
На чисто вымытом покосе
Стога теснятся в стороне.
К ним в звездный час приходят доси,
Жуют в сторожкой тишине,

Земля безжалостно раздета
Дождем и ветром догола,
И солнце греет только где-то,
И снега ждем из-за угла.
Ему ничто весна и лето,
А ты забыть их не могла.

Ты принимала их подарки,
Любовь ответную дая,
Лес в листве воздушных арки
Светила теплая заря,
И не взыщи, что так неярки
Леса и доли октября.

Настал конец и листопаду,
И видно в рощах все кругом.
Запомни эту колоннаду
В березняке, совсем нагом.
Такую встретишь ли отраду
В вечерний час в году другом?

В последнем тихом увяданье
Застенчивая скромность есть,
И ликованию молчанье
Согласно сердце предпочесть:
За ним апрельской веет рапсодией,
Хотя уже темнеет в щель,

Темнеет быстро поневоле:
День короток, а ночь длинна.
Житье ветрам на вольной воле —
Для них открыто все сиюдна.
Как в пасмурном просторном поле,
В бурьяне туч лежит луна.

Грозят дождем иль снегом тучи?
Пора б зиме входить в права.
Мы топим печь на всякий случай,
Поют сосновые дрова,
Ты держишь книгу. Это — Тютчев,
И вечные звучат слова.

И я люблю в начале мая
Разломе грома и дождей.
Но, голосу леица внимая,
Я слышу гомон площадей.
Связала времени прямая
Сегодня двух веков людей.

Поэт, он так же слушал громы
И в небесах и на земле,
Хотя и не были знакомы
Полки, идущие во мгле,
И славил он лесов хоромы,
Все в солнценосном хрустале.

И мы отчизну чтим, как деды,
Но наше не сочтешь родство,
А без него — не знать победы,
Не уберечь и своего,
Не отворотить лихие беды,
В конце не справить торжество.

Свисти на елочке, синица,
Пороша чистая, лети...
Не замерзай, журчи, кришица:
Судьба нам — далеко идти.
Как хорошо, что людям снится, —
Когда еще привал в пути?!

А рашым-рано край окрестный
В снегу предстанет наяву.
В леса, как в сказке неизвестной,
Тебя я в гости позову.
День синий, солнечный, чудесный,
И скоро поезд на Москву.

Виноградово — Москва

III

ойми, я совсем не лукавлю,
Когда я стихами, всерьез,
И первую бабочку славлю,
И клейкие почки берез;

Скворца домовитого голос,
Что счастья желает земле,
И летний желтеющий колос,
И дождик в осеннем тепле;

И зимней дороги ухабы,
Метели мелькающий свет...
Ничто «мировые масштабы»
Без этих душевных примет.

Простором дышать небывалым
Вовек не научишься ты,
Чужа не оторвешься от малом
Величье земной красоты.

Ж

а голый асфальт, на железо
Льют свет фонари в полутьме.
Обрушить свои снеготопавы
Давно уж пора бы зиме.

Как скучно без снега живетcя,
Совсем как без листьев и трав.
Природа мудра, воедино
Сугробы и травы собрав.

Природа мудра изначально,
И не потому ли, мой друг,
У сердца есть зимы и весны,
У сердца есть север и юг;

Заносы, шальные метели,
Затишье в предчувствии гроз...
Давай веселиться сегодня
Не думай об этом всерьез.

Снежило. Вьюжило. Мело.
 Все слепо в мглистом снеговее.
 В урочный час не рассвело.
 Должно быть, рассветет позднее.

Метельный этот непокой
 Тебя не испугал нисколько —
 Ты с безмятежностью такой
 Под скрипы сосен задремала.

А я заснуть уже не мог,
 Припомнить летний полдень силась:
 С тобой мы по вине дорог,
 Почти не встретившись, простились.

Вдали войны глухая ночь,
 Давно замолкли батареи...
 На переднем крае — бранная дочь,
 Она в гостях у доброй феи.

Через пушистое стекло
 Беззвучно утро к нам втекало.
 Снежило. Вьюжило. Мело.
 И рассветало...

М

олчок — и лыжи понесли,
И звонкий ветер пью взахлеб.
Он отрывает от земли
И леденит горячий лоб.

В смятенном колкем серебре,
В пинучем облаке лечу,
И мне не по крутой горе —
Лететь над рощей по плечу.

Вдали, внизу, в конце пути
Ворвется в просеку лыжня,
Должны деревья отойти,
Чтоб певзначай не сбить меня.

А если я с ветвей сорву
Очарованье тишины,
Все кружева, что наяву
Снегурочкою сплетены.

Остановись, не мчись вперед —
В покой, к заснеженным стволам!
И я иду на разворот,
И обе лыжи — пополам...

Я не встревожил разбегом
Белый Снегурочкин сад.
Ветви меж солнцем и снегом,
Снег от ветвей полосат.

П

од песню зимнего огня
О чем ты думаешь, скажи?
Когда ты смотришь на меня,
О чем ты думаешь, скажи?

Случалось всякое у нас —
То холодно, то горячо,
И были рядом каждый раз
Твои глаза, твое плечо...

Мне этого не позабыть.
Ты этого не позабудь.
Кто знает, завтра, может быть,
Я выйду в самый трудный путь.

И будут взорваны мосты
И разворочены пути.
Поди узнай средь темноты —
Куда идти, куда вести?

Навстречу бьет буран, трубя,
А сердце только тем живет,
Что за снегами, у тебя,
Обняв дрова, огонь поет...

Я

еду по случаю свадьбы —
Поздравить хочу старшину.
Увидеть бы только, обнять бы
И вместе бы вспомнить войну.

Война словно море бездонна,
Нет меры валам огневым.
Поди, до Берлина от Дона
Не каждый добрался живым.

Могилы тесны боевые
На страдном солдатском пути.
Зато уцелела Россия,
Которой далеко идти...

Зима. Серебрятся дубравы,
Метелицей веют поля.
Но памятью воинской славы,
Вся в хлебе, очнется земля.

Засвищут веселые птахи,
Качнутся, пьянея, боры.
В расстегнутой выйдет рубахе
С утра старшина за бугры.

Все сделано ладно и к месту —
До самых берлинских ворот.
Хорошую, видно, невесту
Он в жепы сегодня берет.

Счастливое будет застолье,
И доля — на все времена...
Какая метелица в поле!
Какая в лесу тишина!

*В*алит снег, и в поле завтра
Не сыскать путей-дорог.
То ли это жизни правда,
То ли это сердца правда,
И всему бывает срок.

Снег ложится, пухлый, свежий,
На долину за ручьем,
На откосы побережий,
Не вздыхая ни о чем.

Сюда случайная карета
С дуэли привезла его.
Слуга внес бережно поэта
В дом, как ребенка своего.

Метался ветер за Невую,
Поземкой на торцах пыля.
Под пеленою снеговою
Лежала мерзлая земля.

Родимый край в минуты эти
Какою думой был объят?
Стою безмолвно в кабинете,
Где музы до сих пор скорбят.

Он здесь писал в часы ночные,
Весь — вдохновенье, юность весь,
И строчек нити золотые
Оборвались неожиданно здесь.

Мне даже и на дальней Шпрее
Звучал неповторимый стих,
И я не жег чужих музеев,
И я спасал детей чужих...

Б

ыл полдень холоден и светел,
Твердела на стволах смола,
И я, признаться, не заметил,
Как в зиму осень перешла.

И зори потускнели вскоре,
Стал серым полдень голубой,
Играющее вольно море
Остановило свой прибой.

Вода, окоченев на взлете,
Умолкла, как и все кругом.
Лежит поземка в старом боте,
Измаясь на песке нагом.

Пустынно в воздухе безгласном,
А в море — льдистые бугры...
Не так ли жизнь в раздумье властном
Вдруг замолкает до поры?

Молчит, а с новым потемнением
Просторней видит человек,
И вновь весна венчает пенем
Волны воспрянувшей разбег...

Свист ли ветра или свист печенега —
Различить я никак не могу.
Вырываются чайки из снега
И опять исчезают в снегу.

Только были и вдруг улетели.
До чего же весна смятена!
То ли белые стены метели,
То ли белая дома стена...

То ли мечутся мокрые хлопья,
То ли крылья скиталиц морских...
Смутно видятся черные конья
Прибережной ограды на миг.

Гул и шум в глубине снегопада,
Это море встречает весну.
Как пустыня сойчас застакала!
Видно, я до утра не засну.

осулек тонкие свирели
Поют и плачут по утрам.
Смотри, как сосны отсырели,
Как можжевельник свеж и прям.

Серебряным ручьиным косам,
Подснежным всплескам нет числа,
И у пруда над водосбросом
Синица щебет пронесла.

Снежок лепечет: «Таю, таю...»
Он был недавно шем и глух.
А с юга мчится уток стая,
Переговариваясь вслух.

Гудит за рощей канонада —
Под утро грянет ледоход.
Восток бездумно вертит тало
А то, глядишь, и снег пойдет.

*К*ак много сегодня
Хороших примет:
Веселые птицы,
Прохладный рассвет;

Зеленая дымка
На ветках берез —
Ее из заречья
К нам ветер припес;

На донце канавы
Нестаявший снег,
И синий подснежник...
И это — для всех.

И песня о счастье
Торопится в путь.
Летит — до утра
Все небо вдохнуть!

Весна, весна... Я снова вместе с лесом.
Струится воздух. Облака висят.
Но отчего в такие дни грустнее,
Когда тебе уже за пятьдесят?

Раздумья о минувшем? Сожаленья,
Что поздно невозможное сбылось?
Как жадно тянут свежий сок растенья,
Как все, что вижу, светится насквозь!

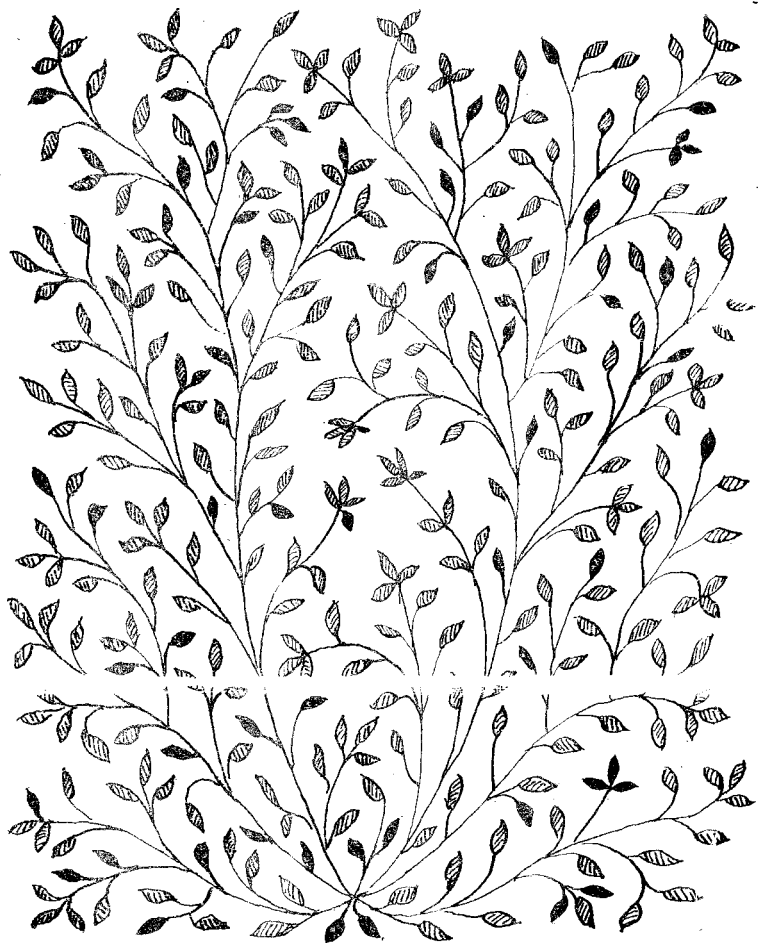
Вверху, внизу певуны-невидимки
Звонят и щелкают на все леса,
И день стоит в зеленоватой дымке...
Не повторятся эти полчаса!

Совсем легко ложится в изголовье
К полудню потеплевшая трава.
Как жадно тянут сок Подмошковые,
Как все полно живого торжества!

Над первоцветом шмель гудит басово.
Струится воздух. Облака висят.
Весна, весна, с тобой мы вместе снова,
И ничего, что мне за пятьдесят!

ЭТА
НЕЗАПАМЯТНАЯ
НОЧЬ

мирозданье

Земля вращается,

Череда веков

не кончается.

Это вечностью называется,

Бесконечностью называется.

Только люди живут

не вечностью,

А сердечностью,

человечностью...

Пусть горит звезда, не сгорая,

Как любовь твоя человеческая,

И спасибо тебе, дорогая,

За минутное,

как за вечное!

Считая ножкой тьму насечек
На льдистом крылышке своем,
В траве шипикает кузнечик —
Все об одном, все об одном.

Самозабвенный самородок
Играет песенку без слов.
Недвижны тени сонных лодок,
Яснее крик перепелов.

Задумались поля и воды
И кучи придорожных ив.
Вошел в гармонию природы
Тот незатейливый мотив.

И если бы кузнечик малый
В зеленой замолчал пыли,
Одной бы ноты не хватало
В органной музыке земли.

И бледно-розовое небо,
И белый месяц средь степей,
И зелень луга, зелень хлеба
Тебе казались бы скупей.

К

ак трудно в человеческой гуще
Найти кого-то по душе:
Все так стремительно-бегущи
Мелькнут, и след простыл уже.

Не разглядишь в походе дальнем,
Лишь на привале, не спеша,
Когда веселым и печальным
Цветком раскроется душа.

Не вдруг, не сразу понимаешь,
Что это все теперь твое,
И, сам не зная, помогаешь
Другое ладить бытие.

И он, с утра взглянув на рощи,
На травы, что сошли к воде,
Поймет, что ты ясней и проще,
Как не был, может быть, нигде.

И станешь по-иному зрячим.
А люди не гора с горой...
Мы друг для друга больше значим,
Чем это кажется порой.

З а луга и рои, в отдаленье,
Унесло бурянов масть,
И глазам явилось откровенье:
Гнездование, всплески, опыление,
Головокружение на свету!

Сосны опыляют, будто свечи,
От огня полдневного красны.
Жизнь открыта далеко-далече,
И скликают на большое вече
Землю всю колокола весны.

И влечет веселая тревога,
Ожиданье, жажда волшебства —
Мимо сиротеющего стога,
На пути где голая попола
Где сейчас проклонется трава.

Я живу в суровом, точном веке,
Каждый день расписан по часам.
Но весна шумит и в человеке...
Плещет небо, разгулялись реки,
Нет покоя птичьим голосам!

А. Г.

1

*В*се это было словно бы вчера...
И остров Русский, и залив Петра,
И пестибалльный ветер. Ночь. Гроза.
Печальные безмолвные глаза.
И молнии, завитые в кольцо,
Высвечивали бледное лицо
В листе смятенной.

Вспышки синих стрел.

По радио неясный голос шел,
Из войлочной прорвавшись тишины,
О расставаньях на путях войны.
Там рыщет смерть.

«Любви нельзя помочь...»

Со мною двое — женщина и почта,
И кто шептал, я угадать не мог.
Мой черпый плант на женские промок.
Ее знобило. Мы пошли домой.
Над сопками рассвет боролся с тьмой,
И без огней, через сырой туман,
Эсминцы шли на поиск — в океан.

2

Там рыщет смерть.

«Любви нельзя помочь...»

И я уехал на другую почта.

Как далеко! Пока письмо идет,
Меня осколком десять раз убьет.
Не верил я в загробное житие —
И было страшно потерять ее.

3

Едва смежил я в блиндаже глаза,
Ударил ветер и зажглась гроза,
Не артиллерия, не самолеты, пет! —
Небесный гром и сплых молний свет.
...А где-то шторм.

«Любви пельзя помочь...»

Со мною двое — женщина и почта.
Вся нежность мира подошла ко мне
Впервые в жизни только на войне,
И молнии, завитые в кольцо,
Высвечивали бледное лицо.
Как далеко! Ты в той дали одна.
Ты не со мной. Теперь со мной — война.

4

Тогда земля стояла на крови.
На жизнь и смерть, любовь, благослови.

В

двоём с тобой, у лампы тихой,
Когда отворено окно,
С дневной покоичено шумихой
И дом уснул давным-давно —

Читать Есенина и Блока,
И слушать, как летит листва,
Смотреть на взморье издалика
И на приюские жнива;

Смотреть на крыши и на звезды,
И принимать почную высь,
Вдыхать сырой осенний воздух,
О подоконник опершись.

Безмолвно города громада
Глядится в чернь Москвы-реки...
Как длинны ноги листопада
Как строки Блока коротки!

Я полюбил листать календари,
Перебирать событий давних даты.
Не сходны судьбы, как часы зари,
Как поздние и ранние закаты.

И в памяти проходят имена,
И добрые и горькие приметы,
И самые глухие времена,
И самые забытые поэты.

Ни каторга, ни пуля, ни петля
В забвенье вольнолюбцев не ввергали,
И свято строки бережет земля,
Которые ни разу не солгали.

Ты слышишь ли далеких лесен звук
И голоса доверия и братства?
Наследник славных, незнакомый внук,
Не промотай чудесного богатства.

Смотри, как беглая вода,
Натешась, отдыхает в русле.
Прислушайся, как провода
Звонят и плачут, будто гусли.

Смотри, как всходит стебелек,
Как солнце движется по кругу,
Как зяблик песенкой завлек
Свою пернатую подругу.

Ты слышишь, яблоки стучат,
В саду осеннем опадая?
Ты видишь, стелется в закат
Тумана пелена седая?

Послушай море в час грозы.
Не бойся впасть в черной темноты.
Следи, как звездные Весы
Бесстрастно взвешивают время.

Ты слышишь, мчитесь человек —
Гудит мотор за дальней тучей.
Как первопутка чистый снег,
Струится в небе след летучий.

Творится чудо каждый час.
Того не знают только слизни.
Не жизнь проходит мимо нас,
То мы проходим мимо жизни.

Ваятель чужд был кликов браши,
И воин не металл меча
Сжимал в руке, а складки ткани,
Легко спадавшие с плеча.

Ваятель думал, что и люди
Поймут художника мечты —
И сложат сами, словно в чуде,
Мечи, и копыя, и щиты.

Но разве символ безоружный
Крутому времени под стать?
И мрамор, словно хлам ненужный,
Рабам велели закопать.

Рожденного не нашей эрой,
При древнегреческом царе,
Его сокрыл песчаник серый
Над крымским морем, на горе...

Я встретил воина в музее.
Он был, как прежде, без меча,
И длинный плащ, касаясь шеи,
Спускался складками с плеча.

Рождая символ свой чудесный,
Для смертных силясь мир сберечь,
Не знал ваятель неизвестный,
Что стражу мира нужен меч.

Б

ыл у бабушки темный складень —
Что-то знала она свое.
Вдруг плохое случится за день —
Успокаивает ее.

И, упрямая, все твердила:
«Бог помог нам и в этот год...»
В одиночку детей растила,
Устояла среди невзгод.

А у матери место бога
Доля родины заняла.
Крепко-накрепко у порога
Дочку малую обняла.

И пошла за войною, в темень,—
Видно, знала она свое.
А тебя сберегало время,
Незабывало — свое.

Льдинке просто плыть по течению:
Отмель — отмель, несет — несет...
В человеческой душе — боренье,
Жажда поисков и высот.

Есть и радости и тревоги,
Не за печкой житье-бытье.
И все время-то ты в дороге,—
Верно, знаешь и ты свое.

Ж

еказистая странная птица,
Что опасной гадалкой слывет,
От стороннего глаза таится
И все время кого-то зовет.

В этом голосе, близком и дальнем,
В зеленце молодого леска,
Не рассказ о житие беспечальном —
Бесприютная доля-тоска.

И смеркается лес и светает —
Неизменно ее ремесло:
Все кукует она, все считает —
Сколько лет одиноких прошло.

Остается всегда без ответа
И тревожит счастливых пичуг
Кукованье бездомное это —
Одинокая жалоба вслух.

Этот голос на сердце ложится
И, такой безысходно-земной,
Мне туманною осенью снится,
Не смолкает заносной зимой.

Видно, только веселые звуки —
Это жизни одна сторона,
И печальная песня разлуки,
Словно тучка на небе, нужна...

П

ускай тобой не ода спета,
Пускай не громок голос твой:
Когда в строке судьба поэта —
И правда времени с тобой.

Но если ты собьешься с толку,
Впустую струны теребя,
Грусти, пожалуй, втихомолку,
Пеняй на самого себя.

Не музы старятся, а чувства
И опадают, как листва.

Отступников казнят искусство
И отнимает все слова.

К

еказистая странная птица,
Что опасной гадалкой слывет,
От стороннего глаза таится
И все время кого-то зовет.

В этом голосе, близком и дальнем,
В зеленце молодого леска,
Не рассказ о житье беспечальном —
Бесприютная доля-тоска.

И смеркается лес и светает —
Неизменно ее ремесло:
Все кукует она, все считает —
Сколько лет одиноких прошло.

Остается всегда без ответа
И тревожит счастливых пичуг
Кукованье бездомное это —
Одинокая жалоба вслух.

Этот голос на сердце ложится
И, такой безысходно-земной,
Мне туманною осенью снится,
Не смолкает заносной зимой.

Видно, только веселые звуки —
Это жизни одна сторона,
И печальная песня разлуки,
Словно тучка на небе, нужна...

П

ускай тобой не ода спета,
Пускай не громок голос твой:
Когда в строке судьба поэта —
И правда времени с тобой.

Но если ты собьешься с толку,
Впустую струны теребя,
Грусти, пожалуй, втихомолку,
Пений на самого себя.

Не музы старятся, а чувства
И опадают, как листва.

Отступников казнит искусство
И отнимает все слова.

К

еказистая странная птица,
Что опасной гадалкой слывет,
От стороннего глаза таится
И все время кого-то зовет.

В этом голосе, близком и дальнем,
В зеленце молодого леса,
Не рассказ о житье беспечальном —
Бесприютная доля-тоска.

И смеркается лес и светает —
Неизменно ее ремесло:
Все кукует она, все считает —
Сколько лет одиноких прошло.

Остается всегда без ответа
И тревожит счастливых личуг
Кукованье бездомное это —
Одинокая жалоба вслух.

Этот голос на сердце ложится
И, такой безысходно-земной,
Мне туманною осенью снится,
Не смолкает заносной зимой.

Видно, только веселые звуки —
Это жизни одна сторона,
И печальная песня разлуки,
Словно тучка на небе, нужна...

П

ускай тобой не ода спета,
Пускай не громок голос твой:
Когда в строке судьба поэта —
И правда времени с тобой.

Но если ты собьешься с толку,
Впустую струны беребя,
Грусти, пожалуй, втихомолку,
Пеняй на самого себя.

Не музы старятся, а чувства
И опадают, как листва.

Отступников казнит искусство
И отнимает все слова.

Мы снежной просекой идем.
Безмолвны зимние утocy.
И мы молчим, чего-то ждем,
Как накануне новогодья.

Смешно ли ждать, грешно ль хотеть,
Чтоб сказка вышла на дорогу?
А вдруг и встретится медведь
И в гости позовет — в берлогу.

Кто верит в сказку, а не в ложь,
Тот сказку все-таки увидит.
Я знаю, знаю: ты пойдешь,
Медведь — он добрый, не обидит...

И что же, что, пугая всех,
Метели мечутся и стонут?
Ты — мой снежок, мой первый снег,
Что на ветвях лепится, потреснут.

Я в веру перешел твою,
Я жду все время сказку света.
Какой покой в лесном краю,
Как пахнет снег цветами лета!

Цветы в дремоте, в глубине,
В земле — под снеговой пустыней.
Но слышно и тебе и мне:
Звенит наш колокольчик синий.

Звезда покинула созвездье.
Что ищет в космосе она?
Звезда угасла бы на месте,
Огнем других поглощена.

И цвет летит дорогой странствий —
Он непроросший лес несет.
Одно движение в пространстве
Его от гибели спасет.

Воды упорная работа
Ее выводит на простор —
В обход пустыни и болота,
Глухим горам наперекор.

И если кто-то недотянет,
В своем стремлении замрет,
Звезда и лес — все прахом станет,
Поток зачахнет и умрет.

В незатихающем движенье,
В борении за бытие
Таится жизни утвержденье
И продолжение ее.

Но человека зоркий гений
Нашел таинственную нить
И смог судьбу слепых движений
Единой воле подчинить.

А время ссёт, беспокоясь,
В заоблачье и в мокрый ров,
Храпя живого вечный поиск,
Пыльцу тычинок и миров...

Н

аш синий день — он будет непреложно,
С одной мечтой мы годы шли за ним.
В такую ночь мне одному тревожно.
Как хорошо, что оба мы не спим...

Он тронул клавиши,
и звуки,
Как бы возникшие вдали,
Незримо взяли нас за руки
И за собою повели.
Над нами, будто в горной чаше,
Светало небо. Зал молчал.
Надежды и печали наши
Раздельно я не различал.
Мы слушали, того не зная,
Согласный ритм сердец своих.
Открылась участь нам иная
Свершений и судеб земных...

А он играл для всех на свете,
Крошечной ночи не боясь,
И люди слушали, как дети,
И музика лилась, лилась —
И для меня и для потомка,
Что с пулей в сердце не умрет.
И так хотелось крикнуть громко:
«Пустите музыку вперед!»

В

ночном саду осенняя дремота.
С печальных звезд струилась тишина,
В стране далекой этой ночью кто-то
Не спал вот так же, сидя у окна.

Мы никогда друг друга не видали,
Но знали оба, что в полночный час
Перед судьбою расступились дали,
Соединив незримой нитью нас.

И, той незримой связанные нитью,
Мы слушали дыхание земли.
И он и я по странному наитью
Забиться до рассвета не могли.

О наших думах спрашивать не надо.
Все отдано за тихий звездный свет,
За шепот золотого листопада,
За доброту привесок и призов.

Какое Завтра за рассветом встанет?
Да будет ясный и погожий день!
Как с облаков на землю солнце взглянет?
Ты так живи, чтоб отступила тень!

...Рассвет еще дремал за небосклоном.
Земля спала в тени сырой ольхи.
Большак в полях лежал холстом беленым,
Вторую стражу пели петухи.

П

ронесся свет, неведомый и резкий,
Лиловой мглою день заволокло,
И ветер, обрывая занавески,
В окне распахнутом разбил стекло.

Потом раскатом, тягостным и длинным,
Гром покачнул и скомкал небеса.
Смятенные шумели по долинам
И воды и дубовые леса.

И молнии опять! И без дороги
Скитался кто-то, призывал меня.
Я растерялся на своем пороге
Перед лицом небесного огня.

Стихия ликовала и томилаась.
Забиться с нею значило пропасть.
Могучая гармония творилась,
Еще сильнее была над нею власть.

Я был песчинкой в бездне океана,
Никто спасти не дал себе труда...
Оборвалось, как началось, внезапно,
И небеса сияли, как вода.

В лад с небесами все живое пело.
Казалось мне: звучит земля сама.
Жизнь обрела уверенность предела.
Я — снова я, и не сошел с ума.

Земля тиха. А если, час не ровен,
Ударит в сердце и сожжет гроза?..
Так в жизнь мою тогда вошел Бетховен
И музыка омыла мне глаза.

П

ронесся свет, неведомый и резкий,
Лиловой мглой день заволокло,
И ветер, обрывая занавески,
В окне распахнутом разбил стекло.

Потом раскатом, тигостным и длинным,
Гром покачивул и скомкал небеса.
Смятенные шумели по долинам
И воды и дубовые леса.

И молнии опять! И без дороги
Скитался кто-то, призывал меня.
Я растерялся на своем пороге
Перед лицом небесного огня.

Стихия ликовала и томилаась.
Забывшись с нею значило пропасть.
Могучая гармония творилась,
Еще сильнее была над нею власть.

Я был песчинкой в бездне океана,
Никто спасти не дал себе труда...
Оборвалось, как началось, неожиданно,
И небеса сияли, как вода.

В лад с небесами все живое пело.
Казалось мне: звучит земля сама.
Жизнь обрела уверенность предела.
Я — снова я, и не сошел с ума.

Земля тиха. А если, час не ровен,
Ударит в сердце и сожжет гроза?..
Так в жизнь мою тогда вошел Бетховен
И музыка омыла мне глаза.

Забыв о вожжах и лозине,
На грядке телеги сажу,
Далекую слушаю песню
И в темное поле гляжу.

Протяжную русскую песню
Завел человек на пути.
Он пел про сердечную долю,
К которой ему не дойти.

Пускай невеселая песня,
А ночью ты все ж не один
Среди бесконечного поля,
Повитых туманом равнин.

И лошадь резвее шагала,
Не нужно ее понукать.
И было не так спротивно
Земле до рассвета дремать.

Спасибо за песню, прохожий,
За голос в безлюдье полей.
Дай бог тебе, как говорится,
Удачу найти поскорей.

Опять звучит тревожный зов,
Его один я в доме слышу.
Хотя б на час — покой лесов,
На час — под облачную крышу!

Там, обнажаясь наяву,
Душа и зорче и юнес.
Без этого не проживу,
Не проживем мы оба с нею.

Там расплетаются узлы,
Что в суете не расплетутся,
И ожидания не злы —
Ничем иным не обернутся.

Там, за лесистою горой,
Вся жизнь моим глазам открыта.
По ринку, по кой и степей
Ползет осенняя улитка.

Там — все мое. Не напрокат...
Журчит, стекает дождь в закат,
Невнятно пахнет подорожник.
Тебе я в город принесу
Дорогу, поле, дождь в лесу.
Далекий стук подвод порожних...

М

опишь печь, погасив электричество,
И в огонь неотступно глядишь,
И плывет и выплывает в девичество
Материнства осенняя тишь.

И двойное свечение облика
Теплит трепетный свет в полумгле.
Так сливается с облаком облако —
И виденье скользит по земле.

Это спицами времени вяжется,
И тебе это сердцем дано...
Видно, ветер не скоро уляжется —
Все ветвями колотит в окно.

То ль погреться он в комнату просится,
То ли нас вызывает в поля,
— где осенний разворот лица
Завывает, зазимье суля.

Может, завтра метелица ранняя
И дворы заметет и стога...
Не найти ничего первозданнее,
Чем в полях молодые снега.

Февральская заметь.
Снега тяжелой серебра.
Суровая память
Мне спать не даст до утра.

Приходит бывшее:
«Ты помни, все помни, не спи».
За дальнюю мглою
Сгорел бронепоезд в степи.

Трехлетняя крошка
В блокаду без хлеба жила,
Смотрела в окошко,
Все мертвую маму ждала.

И летчик железный
Пошел за нею на таран,
И вспыхнул пал бездной,
Упал на пыльный курган.

И старых и малых
Земля не забудет вовек —
От горя усталых,
Вмерзавших с оружием в снег.

Считая утраты,
Стоит перед строем комбат.
Рассветы, закаты
От нас уплывают назад.

Скитаются вьюги.
Восходит рассветная рать.
А где-то на юге
Есть остров такой — Березань.

Был ветер багряным,
И флотом командовал Шмидт.
...За сипим туманом
Карибское море шумит.

*

Свищут мокрые ветки на мокром ветру —
То весна пронеслась перелеском,
То затеяли реки шальную игру,
Лед ломая со звоном и плеском.

В добрый час, непокой и воды и земли!
Тянут гуси по стрелке рассвета.
А за ними, в туманной холодной дали,
Бродит юность, тобой недопета.

Там леса полегли под железной пятой,
Там обуглены камни и травы.
Там руины твои и твой день золотой,—
Там и горе и зарево славы...

Ты сражался, семнадцатилетний солдат,
Чтоб земное не кончилось чудо.
И оттуда к тебе эти гуси летят,
И весенние ветры — оттуда.

Фляги не было, как на грех,—
Спиртом ножки бы ей растер.
Я страхнул с нее мерзлый снег
И в овраге раздул костер.

— Ты не бойся,— я ей шепнул
И закутал в свою шинель.
Прокатился в вершинах гул —
На полях занялась метель.

— Что ж ты, худенькая моя,
Сиротинка в своей земле,
Ходишь-бродишь, печаль тая,
Словно звездочка в полумгле?

Заглянул я в ее глаза —
В них стоячая синева.
Не мерцает на дне слеза,
Но глаза говорят: жива.

Далеко, за снегами, штаб.
— Ты не бойся, я донесу.
Нам, пока я еще не слаб,
Нужно трогаться. Ночь в лесу.

Я хотел бы вот так идти
До последних своих берез.
Через сутки, к концу пути,
Я в землянку ее принес.

Тихо начали слезы течь
Из оттаявших синих глаз...
Думал я, разжигая печь:
«Для кого же я счастье спас?»

Б. И. Соловьеву

П

ока стихом линуешь
Бумаги белый цвет,
Ты в мире существуешь.
Молчишь — и снова пет.

Не хмурься и не сетуй,
Что не дались мечты,
Что новой песни спетой
Не отдал людям ты;

Что жажды утолению
Не вынесла пока
Ни капли вдохновенья
Поэзии река;

Что тишину бессонниц
Ни разу не качнул
Непостижимых звонниц
Непостижимый гул,

Что ты за снежной сетью
Не увидал ее...
Идет, идет столетье
И делает свое.

И хочется остаться
Хотя б одной строкой,
Одной строкой подняться
Над суетой мирской...

Вдруг — светоч! Ниоткуда!
Прописаи мир насквозь.
Еще не веришь в чудо,
А чудо началось.

Так вот цена бессонниц!
Летит, летит к окну
Призыв метельных звонниц,
Качая тишину.

Тот голос — провозвестник:
Твоя опять пора,
Опять пойдут на песню,
Как на огонь костра.

дет, едет весна
В гости к нам на березовом плотике.
Золотою пылью
Осыпает со смехом она
Под обрывами вербные котики.

А навстречу весне,
На песок, где коряга полощется,
В дуновенье зеленом выходит,
Еще в полусне,
Белоствольная вольная рощица.

Из далекой земли,
Где зимы не бывает с запасами,
За водой снеговой
С облаками летят журавли,
С облаками летят длиннокосыми.

А бензиновый дымок
За колесами тяжкими стелется.
Глянул первый побег.
До полудня ему псевдомек,
Что умчалась на север метелица...

Да, я все чаще с каждым годом
Припоминаю день за днем
Наш путь, что отдал непогодам
И опален шальным огнем.

Тут одиночество как пуля,
Что пущена из-за угла...
Фигурку легкую сутуля,
Ко мне ты против ветра шла.

Не знаю, что б со мною случилось,
Да и представить не могу,
Когда бы встреча затерялась
В развалинах, в ночном снегу.

Уймись, ветры непогоды,
Железо ржавое, загнинь.
Разбитый лед уносят волны.
Какая даль! Какая сишь!

От каменистого порога,
Из-за излучины реки
Плывет военная дорога,
Разломанная на куски.

А к вечеру ее не будет —
Вода крута и тяжела.
И только память не забудет:
Дорога смерти в жизнь вела.

Я
вижу свет двухтысячного года
И незнакомых, отдаленных, тех,
Кому досталась добрая погода,
Кем наконец увенчан наш успех.

Им дышится, как ласточке летится,
Не подсмотреть ни теней, ни морщин
На молодых, открытых счастьем лицах
Невоевавших женщин и мужчин.

Хочу, чтоб нас, ушедших, помянули
Застольной песней в дружестве своем,
В ненастный час мы знамя развернули,
Жестоко опаленное огнем.

Никто на свет не опоздал родиться,
Для всех свои, как видно, времена.
Не будем же, друзья мои, томиться,
Нальем полнее крепкого вина.

Нам не встречать двухтысячного года
И в звездный час бокал не поднимать.
Пусть добрая стоит тогда погода —
Свершениям и помыслам под стать.

*В*ы помните: труба тревогу пела,
Перекликались глухо голоса.
А небо напылвало и алело,
Штыки мерцали тускло, как роса.

Мы долго шли. Нас было очень много.
Но где вы все, ровесники мои?
Ведь лебедой не поросла дорога,
У той дороги свищут соловьи.

Ее пайду и по закатам низким,
По следу звезд, пронесшихся в ночах,
По безглагольным сельским обелискам,
По злему одиночеству в очах.

Как слабо человеческое слово:
Убить им можно, воскресить — нельзя.
Где воду взять источника живого?
Ведь за нее мы шли в огонь, друзья.

Вода живая где-то недалеко,
Да, видно, путь к воде волшебной крут.
О время, время, не стели жестоко,
Пускай мои товарищи живут!

Как воет ветер в проводах высоких...
Тяжелым льдам не удержать реки.
И грезит лес о животворных соках,
О новых рощах, смерти вопреки.

Метель сырая на полях гуляет.
От птиц пролетных будет в ночь светло.
В который раз снег предо мною тает...
Не верится, что столько зим прошло!

Р

азведка едет, не сбавляя рыси.
Жди через ночь отряд передовой.
И морды конские и шапки рысы
Плывут, покачиваясь пад травой.

Курыне-воины стояли твердо
Во все пабеги кочевой беды —
И врассыпную уходили орды,
Из речки Кур не зачерпнув воды!

А вдовьи очи тихо голубели.
Дозоры шли к сторожевому рву.
Тогда Москва лежала в колыбели,
А Курск уже сражался за Москву.

Давным-давно он был Руси заслоном,
И всякое он видел на веку.
Но позабыт на прах холма взошедший
Родной мой город

в «Слове о полку».

М

ы от края до края сгорала —
Не подняться, казалось, из тьмы,
Но сыновьи мечи и орала
Возводили тебя на холмы.

А жилось пелегко, непокойно,
Мед в застолье бывал не всегда.
Подступали и с Запада войны,
И с Востока врывалась беда.

Деревенькой себя вспоминаешь?
А давно высока и светла.
Ты с душою народа сверяешь
И раздумья свои и дела.

Шли снега, и звепели капли.
Проплывали века, как ладьи.
Революции трубы запели —
И откликнулись им соловьи.

Налетали и кобчик, и коршун —
Соловьи не дались никому.
Были годы и слаще и горше —
Все сходились к крыльцу твоему.

Я люблю площадями твоими
На зеленом рассвете идти.
Мне твое материнское имя
В трудный час помогает в пути.

Г

ород, оседавший два столетья,
На рассвете скрылся под водой,
И, как прежде, в солнечные сети
Волны забегали чередой.

Сгинули у вечности во власти
Улицы, причалы и сады.
Отступили страсти и напасти
Пред лицом неслыханной беды.

Кончилась еще одна страница.
Временем дописана глава.
Но судьба повествованью длиться,
И не смерть, а снова жизнь права.

И она спасла людские души.
В горный склон ударила кирка.
Город заново вставал на суше,
Где-то парусная водаиска.

Рыбаки налаживали снасти,
Жены грели воду на огне,
Пел поэт гексаметры о счастье,
А философ думал в стороне:

«Покрывали бы доныне землю
Камни и горючие пески,
Если б люди, только горю внемля,
Руки опускали от тоски...»

В ЗЫБКЕ СВЕТЕ

Зыбкий свет восхода чист и толок,
И вода, очнувшись после ночи,
Розовато-серая сиросонок,
Влажные приоткрывает очи.

Но через мгновенье, бирюзова,
В дымчатых и золотистых бликах,
Тянется на смутный отзвук зова,
Что одной ей слышен в скалах диких.

Ни на что покуда не сердита,
Ласково у берега струится...
Юная богиня Афродита
Только в море и могла родиться!

НАД КНИГОЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Когда-то ехал богатырь,
Земли родной заступник смелый,
И заслонил степную ширь
Пред ним внезапно камень белый.

Направо — ждет судьба одна,
Налево — ждет судьба иная.
И думал витязь дотемна,
Село над речкой вспоминая.

Хоть вскачь скажи, хоть кинься в плавь,
Тебе легко нигде не будет.
Когда судьбой владеешь въявь,
Земля и люди не осудят.

Ступай, куда душа влечет.
Достанет сил, пробьешься к свету.
Вода жива, пока течет,
Или неведомому потоку

Наверно, было впрямь темно,
И приговор звучал жестоко:
«Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!..»

Когда б не забывали мы,
То и сейчас звучал бы голос,
Вернувшийся из полутьмы,
И песня бы не раскололась!

А с песней не пропасть в ночи,
В метель пробьешься к дому с нею.
«Тоска по родине...»

Молчи!

Нет в жизни ничего страшнее.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

В окне случайно свет увидев,
С холодной тенью облаков
Ко мне вчера вошел Овидий —
Тот самый, из глухих веков.

В сандалиях на босу ногу
И в тоге, спешенной до дыр,
С трудом он одолел дорогу
Из царства мрака в этот мир.

Подсел к огню, вздохнул устало,
На стену в книгах посмотрел.
А мне невольно горько стало:
Он сгорбился и постарел.

Не красит с родины изгнанье
В иноязычные края,
Где твой удел — воспоминанья
И собеседник — смерть твоя.

Певцам всегда жилось не просто,
Базарным сплетням вопреки.
Душа должка пройти сквозь звезды,
Чтобы сложилось полстроки.

И снова начинай «ab ovo» —
С яйца, как говорили мы;
Ищи единственное слово
И выноси на свет из тьмы.

Бесспорно, все под солнцем тленно,
А все ж без гордых, чистых слов,
Поверьте гостю, во Вселенной
Не станет нравственных основ.

Есть у меня стихотворенье,
Но я не взял его с собой...»
Стреляли искрами поленья,
Гудели сосны, как прибой.

И слушал их такой печальный,
Такой усталый человек,
Тей славой далекий и далекий
Звучит уже который век.

Мифологические сроки!
Не счесть свершений и утрат...
Очнулся гость. «О чем же строки
С людьми сегодня говорят?»

В те дни в элегиях любовных
Я воспевал земных богинь —

Струящихся, огненнокровных
И зноем плавающих латынь.

На тихий берег размышлений
Позднее увлекло меня.
Там правил некий высший гений,
Но жаль мне юного огня!

Не думайте, что я диктую,
Я простоверяю вам.
Ведь каждый ставит запятую,
К своим прислушавшись словам.

Удел поэзии и ныне —
Живить людей, как дождь траву.
Прекрасен не мираж в пустыне,
А струи влаги наяву.

Поэзия в разладе с теми,
Чья гладко льется колея.
Мне трудно рассуждать в системе,
Вернувшись из небытия.

Мифологические сроки!
Не счесть свершений и утрат!»
И — пауза. «О чем же строки
С людьми сегодня говорят?»

Я в печке помешал. Воскресло
На миг живое пламя. Вдруг
Заметил я, что пусто кресло.
Кто говорил со мною влух?

Когда и как ушел Овидий —
Тот самый, из глухих веков?
С крыльца я только тень увидел
Сырых осенних облаков.

А может, все — игра миража,
Поленьев отсвет в полумгле?..
Стоят, нетронутые даже,
Две чашки чая на столе.

...А
етел свинец из темноты,
И кто-то падал в снег со стоном.
Нам снились по почам цветы
В заречье, на лугу зеленом.

И снова в путь, и вечно — в путь!
Ремни потуже затянули.
Пуškai не мы, пусть кто-нибудь
Нарвет цветов в другом июле.

Увидит каждый, кто не слеп:
Не счесть и золотых и алых,
Как не забыть полынный хлеб,
Голодный тиф, костры на шпалах;

С картошкой мерзлою меншки,
Сырые бревна в дни разгрузки,
Когда птало от тоски
И мы спосили все по-русски.

Мы пели, мы не смели ныть —
Мы были и тогда в ответе:
А после нас кто будет жить,
Как будет жить на белом свете?

М

ы не узнала до своей кончины,
С кем разделяла горечь и успех...
В чердачном мраке свалены картины,
Давно уж не берут их, как на грех.

Зимой знобит в нетопленном жилище,
А ты щебечешь: «Нам пора писать».
Душой ни разу не были вы нищи,
Его искусству ты была под стать.

Прекраснее всех королев на свете,
О Саския, была ты для него.
Случится гульден, и, смеясь, как дети,
Вы затевали сразу торжество.

Как весело взобраться на колени,
Из одного бокала пить вино!
Предаться на часок счастливой лени
и целоваться, право, не грешно.

Родной души невидное величье
И непокая творческий покой!..
О Саския, Лаура, Беатриче,
Вы дар судьбы средь суеты мирской.

Стелило время жестко и сурово.
И все-таки цветы в снегу цвели...
Она для вас Наталья Гончарова,
А для него — навеки — Натали.

С предгорий Ала-Тау
Я осенью привез
Их прямо в Подмосковье,
В содружество берез.

Весной они проснулись —
Предгорий пет как пет...
С приезда в Подмосковье
Прошло двенадцать лет.

Живут и хорошеют
В содруестве берез
И мне давно простили,
Что далеко увез.

Чего ты испугалась
В ту осень, Аемжан?
Ты прижилась бы тоже
Среди лесных елочек.

1963

В лесу не видно спелых почек,
Не слышно гомона грачей.
Природа изменила почерк,
Столбами всходит дым печей.

Она еще не дописала
Подснежников голубизны,
Она не подняла кресала,
Чтобы зажечь огонь весны.

Зимы заиндевелый посох
Стучит в окно, как в феврале.
Апрель в сугробах и запосах,
И зябко, боязно земле.

Земля баюкала, растила
И отдала всю душу мне;
Она от смерти защитила —
От холодной зимы на войне

А как же мне спасти родную
И каждый отогреть побег?
Я поле мерзлое целую,
А снег идет, не тает снег!

В темнице коченеет семя,
А не цветет перед людьми.
О солнце, грядь лучами всеми,
У ночи время отними!

К

огда я был в тебя влюблен
И сердце вечности хотело,
Цвел голубым и синим лен,
Он цвел, как небо, без предела.

И может, вправду небеса
На тихие поля спустились?
Тогда я верил в чудеса,
Что никому до нас не спились.

От синевы светлым-светло...
И обманула жизнь впервые:
Походным снегом замело
Лазури венчики живые.

Был отчий дом испепелен;
Казалось, что и жить не в силах,—
И вдруг воспрянул синий лен —
Зацвел, как небо, без предела.

Он стал и строже и темней,
Как небо под огнем зениток.
В цветах, как в памяти моей,
Таился горечи избыток.

Но все равно наш синий лен
Опять как небо без предела,
И снова в солнце мир влюблен,
И сердце вечности хотело.

Ему стогнь живой пести,
Любить и верить с прежней силой.
Цвети, мой синий лен, цвети
Во всех краях России милой!

Неразделим с моей судьбой,
Как белоствольные березы,
Цвети, небесно-голубой,
На расстаях житейской прозы.

Сегодня щебетом и свистом
Не оглашается заря.
Умоляла музыка, солистам
Легла дорога за моря.

Летят и листья... пятый... сотый,
Летят неспешно, кто куда,
И розовою позолотой
Трава покрыта и вода.

Медлительно полей дыханье,
Уже незримое для всех...
И переходит речь в молчанье,
И листья переходят в снег.

А ес пахнет горькой древесиной,
Лежалым и сырым листом.
Дожди прощальный путь гусиный
Размыли в небе золотом.

Листвы последние охапки
Всю землю за ночь заметут.
Еще вчера грибные шляпки
Темнели и краснели тут.

Земля молчит, полна раздумий,
В уединенной тишине.
А небо мгlistей и угрюмой,
И раньше сумерки в окне.

В поселке нашем топят печи,
И, как в тумане фонари,
Мерцают окна издалече
Багровым светом изнутри.

Тумана тусклая завеса
Висит на ветках до утра.
Не всходит солнце из-за леса,
Хотя уже всходить пора.

Нет-нет, рассветы не сгорели
За полупочною чертой.
До пробуждения в апреле
Прощай, зеленый, золотой!

Прощай до возвращения с юга
Усталых и счастливых птиц...
Идет зима, а с нею выюга
И снег метельный — без границ.

А. Г.

М

ы говорила мне: «Не мудртвуй»,—
И добавляла: «Не лукавь.
Людей напутствуй с добрым утром —
И утро добрым встанет въявь».

Не потому ль и в час тревоги
Нам счастье было суждено,
И так легко жилось в дороге,
Не одиноко, не темно.

Смотрело в душу время резче
И пристальней, чем в небеса,
И самые простые вещи
Преображались в чудеса.

Иначе выпестить невозможно
Крутую тяжесть дивных лет.
Как жить бездумно, бестревожно,
Сквозь суету и вьюгу?

И ты дала мне силу эту,
И этой силой мы сильны.
Мы славим свет, идем по свету —
И не сыскать конца весны!

Молчишь задумчиво-спокойно,
Склоняясь у моего плеча,
Моя заря, мой полдень знойный,
Вечерняя моя свеча.

Николаю Анциферову

Я распахнул окно почное,
Смотрю на звездные миры,
А на земле, за тишиною,
Вдали — пад певскою волною —
Тревожные горят костры.

И на меня глядит оттуда
Матрос с гранатой на ремне.
Там революция, как чудо,
Для обездоленного люда
Всходила в буре и огне.

И с первых выстрелов — о мире,
Полна мечтой о мире грудь.
Глухих столетий сбросив гири,
В какие сказочные шири
Нам выпал жребий заглянуть!

Горят, горят костры живые,
Тайгу ведут из темноты.
Опять на штурм идет Россия —
И все ей впове, все впервые,
И небо сходит с высоты.

В луче рассвета вился сонм пылинок.
Пора перекрестить худую грудь.
Но понимал безвестный воин-иннок:
Ему сейчас немислимо уснуть.

Что разбудило вещей дар поэта
В простой душе, и рана и целя?
Святой господь? Скорей всего, не это.
Его родная позвала земля.

Она ему перо вложила в руку.
Что господу? Пиши или не пиши.
Но святотатство — утаить науку
Защиты отчих весей, жар души.

Бывое на пергаментных страницах
Он для потомков ревностно сберег —
И не смел перо свое в Руки возложить,
В безвестие не смыл ее поток.

Над ковылем стелились кони плавно,
Парча хоругвей билась на ветру.
«Прости мне, Русь, прости мне,
Ярославна...
Коли умру в бою — за вас умру!»

А время шло. Сбирали мед с тычинок
Прилежно пчелы. Молотили рожь.

И каждый век писал безвестный инок,
И слово правды отводило ложь.

Сбиралась Русь под звон мечей
заздравный...

В пеметчину путь долог и тяжел.
И наши жены вместе с Ярославной
Оплакивали тех, кто не дошел.

Не обропили доблесть предков наземь
Ни сын, ни внук. Не осрамили дом.
Я каску снял перед княгиней с князем,
Пред бескорыстным ипока трудом.

Живи, не суесловя, не злословя.
С отчизной будь и всякий день и час.
Не быть земле, когда нет правды в слове,
Не быть земле, когда нет правды в нас!

ЕСЛИ ВЫЙДЕШЬ НОЧЬЮ ПОГУЛЯТЬ

Если выйдешь ночью погулять,
Не испугни, прошу тебя, влюбленных.
Не испугни и дай им домолчать
На сырой скамье, при темных кленах.

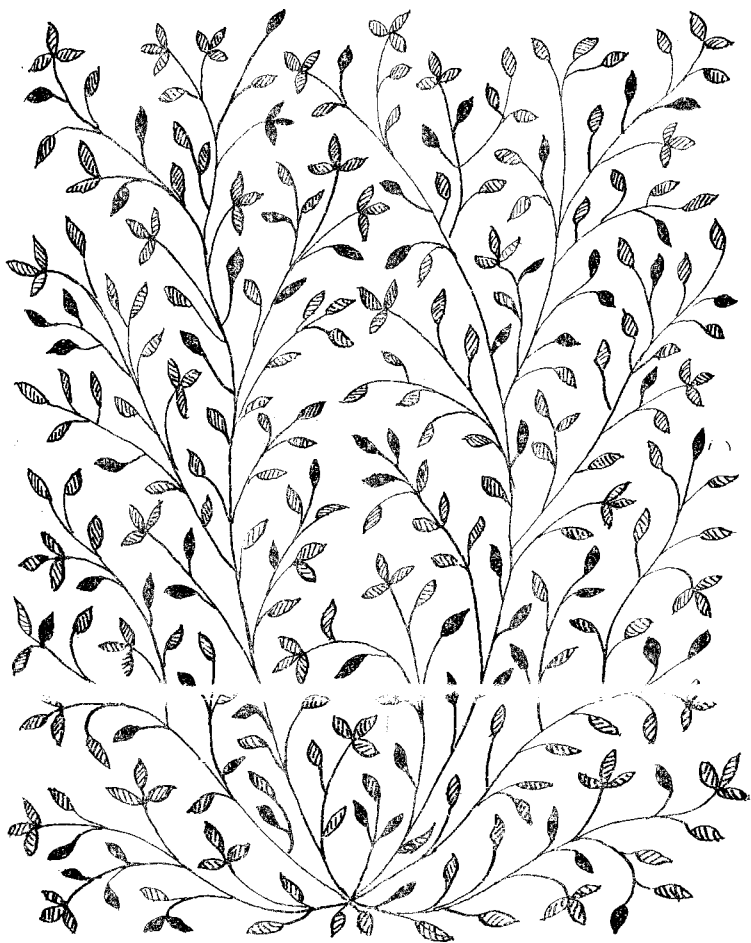
Эта незапамятная ночь,
Может, никогда не повторится:
Ведь нельзя мгновению помочь
Даже на мгновение возвратиться.

И сердцам и душам молодым
Звездное подарено паренье.
Погрустим, что доведется им
Испытать и тяжесть приземленья.

Пусть влюбленность и за гранью лет
Неразлучной будет, как вначале...
Помоги сберечь им звездный свет,
Под которым в юности молчали.

МЕТЕЛИ
И
ЛЕБЕДИ

открыть окно —
И сразу, сразу
Услышать плеск
Тяжелых крыл.
Но острогрудых птиц
От глаза
Туман снегов предвешних
Скрыл.

Вот с ними бы!
Вмешаться в стаю
И снежный ветер пить хочу,
Кричать всей грудью:
«Я взлетаю!
Смотрите,
Я уже лечу!»

И если поверишь
На мгновенье,
Что овладел
Иной судьбой,
Что постоянство
Тяготенья
Теперь не властно
Над тобой...

Пусть есть
Несбыточные вещи,

Пусть как угодно
Их зовут,
А все ж за снегом
Крылья плещут
И гуси-лебеди
Живут!

А омая двери,
 Воды рвутся,
 Глощают жадно
 Талый снег.
 И, перебив привычек блюда,
 Спешит из дому человек.

Пешком,
 На крыльях, на колесах —
 Не все ль равно,
 Лишь быть в пути
 И где-нибудь на дальних плесах
 Свет первородства обрести.

Забыть,
 Что дважды два — четыре,
 И пределы есть,
 Что за спиной, в привычном мире,
 Всего привычного не счесть...

В лазури —
 Белых птиц ячанье
 И облака...
 И облака.
 И властное очарованье —
 Издалека... издалека.

Спасибо, жизнь,
За все спасибо.
Как мальчик,
Я к тебе прильну.
А в сновиденьях плещет рыба,
Кидаясь в синюю волну.

★

А. Г.

У весны, у вёснѣчки
Зелёные косопѣчки,
Очи голубые,
Ночи проливные.
От берёз, от месяца
Вся округа светится,
Блещут воды талые,
Бредят птицы малые,
Все травинки тонкие
Словно струны звонкие.
Где-то сжик фыркает,
Нобо спички чиркает.
Бормотанье, шлепанье,
Бульканье и хлопанье...
А русалки маются,
На ветвях качаются.
Да и пам всё бродится —
Места не находитя

Ночь сквозит, как звонница.
У весны — бессонница.

Ослабевает все-таки мороз,
И выюги утомились от скитаний,
И небеса в преддверье теплых гроз
Сияют светом добрых обещаний.

Ах, если бы и вправду сталося так
И люди горе горькое забыли,
Глухую пору залпов и атак
И тапковых пабегов в вихрях пыли.

Все так и будет. Спросишь ты — когда?
Я не скажу — я не гожусь в пророки.
Ты только верь, что отойдет беда,
Что подойдут совсем иные сроки.

Ты яблоньку в апреле посади,
Ей подари небес весенних своды.
Как ветер морщит лужи, погляди.
Как привольно рвется воды!

Над нами сию — преддверье теплых
гроз —
Сияет светом добрых обещаний...
Ослабевает на земле мороз,
И выюги утомились от скитаний,

Тане

С орвется с ветки впиз кленовый посик,
И даст ему сыра земля приют.
Взойдет росток, и птицы в свете просек
О нем, весеннем, песню пропоют.

Разломит скорлупу птенец с усилием,
А осенью, серебрящей снегов,
Взовьется лебедь, и, доверясь крыльям,
Он полетит к воде без берегов.

И ты откроешь дверь, и за порогом —
Клен во дворе и птица в облаках.
Клен шелестит, и в небесах — к дорогам
Зовет всевластно белых крыл размах.

И ветер прав, и эти крылья правы,
И время — за тревожных, смелых птиц.
~~И пот для сердца сохнувшей души~~
Пространств безбрежных, странствий без
границ.

И горестно, что я останусь с кленом, —
За лебедями не угнаться мне!
И радостно, что ты за небосклоном
Исчезнешь вдруг в свой срок в голубизне.

Дорожку буравит под снежной крышей
И — сорвалась в корытце.
И день услышал, и я услышал:
Свет на земле творится,

И невозможно прервать движенье,
Если она, предтеча,
Предвещает весны рождение...
Будет же где-то встреча!

Не замирай, тишину вбирая,
Шире открой окошце.
Пора туманная и сырая...
Светит же где-то солнце!

Все измельченное, все случайное
Сразу куда-то канет,
И необъятно-необычайное
Властвовать нами станет.

И сплошь воды и ветра сияние,
Хочется быть счастливым!
Катится круглое воркование
С темно-синим отливом.

В Загорске — колокольный звон,
А у апреля свой порядок:
Трезвон ручьев, галдеж ворон,
И лебедей счастливый стон,
И цокот кованых лошадок.

В который раз, как в первый раз,
Апрель на свете колобродит?
А нам дороже, что при нас
Творится на глазах, сейчас,
И сердце места не находит.

К мальчишкам бы на крышу взлезть
И голубей гонять со свистом!
Блестит домов стекло и жечь,
И солнце есть, и небо есть,
И видно все в просторе чистом.

Теплынь развешена в саду,
И влажен розовый булыжник.
Мы — у весны на поводу,
И только с пею не в ладу
Приехавший нестати лыжник...

П

одернут дымкою скользящей
Зарей петропугый зенит,
А лес, на просеках и в чаще
Насвистывает и звенит.

Наполнен радостною верой,
Он ожиданием согрет:
Вот-вот растает сумрак серый,
Взойдет заря — и хлынет свет!

И лес поет вздохом, со страстью —
От маковок и до корней.
Он зелен, свеж, он верит в счастье,
В удачу всей судьбы своей.

Неплохо зимовать на юге.
Но лишь в родном березняке
На материнском склоне
С такой душой поют пичуги.

Ковшик из бересты,
Ключ в тени ветвей.
До чего же просто:
Зачерпни и пей.

Принади к студеной
В летнюю жару
В тишине зеленой,
В смоляном бору.

Кто-то с доброй думой,
Ласковый, видать,
Для людей придумал
Эту благодать.

Так от сотворенья
Было на Руси.
Если есть сомненье —
Стариков спроси.

Слушай лопотанье
Струйки ключевой,
Вспоминай преданье
О воде живой.

Пеший ты иль конный,
Ранен иль устал —
Как попил студеной,
Так и крепким стал.

Пей живую воду —
Золотое дно! —
И душе народа
Кланяйся земно.

Анне Андреевне Ахматовой

П

остепенно отходит ненастье
От безбрежья небес и воды.
На песчаном, невысохшем пасте
Снова узкие тают следы.

Это Муза в сиротстве бродила,
Вспоминала свое ремесло.
Реют по ветру сосен встрела,
Все цветочной пылью занесло.

Все живое, родное по крови
Утверждается заново тут.
По-хозяйски скворцы в Комарове
В деревянных домишках живут.

Я грущу о несбыточном чуде
И впадаю на миг в забытье...
Им прекраснее, что смертные люди
Детски верят в бессмертье свое.

Вечной свежестью вест в аллее,
Тихий вечер затеплил звезду,
И звучат, как в старинном лице,
Ямбы строгие в Вашем саду.

Судьба укрыла Китеж-град
В воде от помыслов неправых...
Я шел к нему сквозь тьму преград
И жег костры на переправах.

Я горы сокрушал в пути
Под грозовыми облаками;
Окоченевшими руками
Ломал железо, чтоб дойти.

А не дойду, так ты дойдешь,
Я не увижу — ты увидишь:
Когда со света сгинет ложь,
Всплывет, колебля воды, Китеж.

Он — светоч правды, сон и явь,
Он — сказка, ставшая сказаньем.
Всю мысль и жизнь к нему направь,
Будь вдохновлен одним дерзанием.

Всплывет он медленно со дна,
Где бьют ключи, не замирая,
И запоем, навек ясна,
Земля, от зелени сырая.

И Китеж-град под плеск волны
Озерные покинет воды —
И все сердца внимать вольны
Чистейшей музыке Свободы.

Ищи всю жизнь свой Китеж-град,
Не уставай служить дерзанию.
Не бойся залпы с баррикад
Добавить к вещицу сказанию.

П

од весенним небом,
Спозаранку,
Расстреляли немцы
Партизанку.

Всю родню, соседей всех
Сгубили
И село
До бревнышка сжигали.

Небо,
Голубое после ночи,
Льет лазурь
На сомкнутые очи.

Ветерок
С заречья набегает,
Мягкий леп волос
Перебирает.

Над селом спаленным,
Над долиной
Слышны стоны
Песни лебединой.

Вы летите,
Улетайте, птицы,—
Не очнуться ей,
Не пробудиться.

Горестно
Земля целует руки
Дочке,
За нее принявшей муки...

зера, луговины, рощи...
Вдыхай покой, живи вдвойне.
Но мысли почему-то жестче,
Все чаще — строчки о войне.

Ответь мне, память, разве мало
Легло солдат на мировой?
Четыре года укрывала
Земля их ласковой травой.

Позавчера своей рукою
Друзьям я закрывал глаза.
И нет мне на земле покоя,
Пока планету жжет гроза;

Пока смиряем через силу
Неистовых коней судьбы,
Копаем свежие могилы,
Сбиваем детские гробы.

Где нежность мира — Афродита?
Ее сразили над волной
Три пули в спину Мередита
И бомбы с неба — на Ханой.

Ты ни в горах, ни в океане
Прибежищ тихих не ищи,
И, видно, надобно заране
Готовить камни для пращи.

Как вспомнишь все — и сердце
жестче,

И жадно ветер ловишь ртом...
Озера, луговины, рощи,
Я к вам приду потом... потом.

Вечны связи листвы всплывшей
 С листопадами сентября;
 По дороге зари сгоревшей
 Молодая спешит заря;

Замещается поколение
 Поколеньем, идущим вслед..
 Продолжение, а не тленье —
 В непреклонном движении лет.

Если песня одна допета,
 Значит, время другой звучать,
 И от строчек «На смерть поэта»
 До «Возмездья» рукой подать.

Все под звездами заменимо —
 И былинка, и человек.
 Только совесть — вечная драма,
 Только правда у нас — навек.

Не напрасно мудрец старинный
 Был спокоен, когда упал:
 Он заканчивал путь свой длинный —
 Ученик вслед за ним вступал.

Смотри, смотри,
Какое утро хлынуло,
Какое небо
Затопило дом!
Ночь ни к чему
Засовы все задвинула
И заново
Их оковала льдом.

Засовы сбило солнце —
И забулькали
С навеса капли,
Падая в ведро.
Погожий день
Еще блестит сосульками,
А на припеке
Тает серебро.

К весне
Бесповоротно дело клонится.
Звенит на соснах
Каждая игла.
На снег присела
Первая лимонница —
И голенькие ножки
Обожгла...

П

осмотри,
Как москворецкий лед
Под мостом под Каменным плывет,
Как наотмашь
Бьет из-подо льда
Темная, тяжелая вода.

Хочешь плыть
В далекие края
С караваном этих синих льдин?
Затуманится
Любовь моя,
Если вдруг
Я уйду один.

С моста в воду
Сторчась брось.
Только счастье ты не оброни:
Летом речка
Светится насквозь —
Схватят близорукие линии.

Скоро-скоро
В ясный полдень ты
Ласточкой веселой пролетишь
С голубой прохладной высоты,

Разбивая
Водяную тишь,
Разводя
Просторные круги
На конце
Стремительной дуги...

Ивану Молчанову

Я старые свои стихи листаю,
Страницы книги — молодость мою.
Неспешно о самом себе читаю --
И заново как будто узнаю.

Да, это я, что так любил скитаться
В сырых полях, встревоженных весной;
Умел дружить и в нескольких влюбляться,
Не признаваясь, впрочем, ни одной.

Да, это я, что безоглядно верил —
Он надо мной не властен, смертный час,
Как будто при рождении отмерил
Мне добрый кто-то вечность про запас.

Ну, а всерьез... Мужало поколение.
В мороз трескучий было горячо,
И мы росли земле на удивленье,
Подставив веку крепкое плечо.

С одною трехлинейною винтовкой,
Спасая Революцию свою,
Мы грезили «в Коммуне остановкой»
И если умирали, то в бою.

Но может, я не о себе читаю,
Не про мои порывы и грехи,
И не мои — чужие дни листаю?
Мои... мои! Не могут лгать стихи.

Ах, сколько раз деревья увидали,
Снега толпились около двора...
И вот теперь стихи переиздали.
Ну что ж, спасибо вам, редактора.

И тут совсем не в гонораре дело —
Романтика из юности пришла.
Она в степях знаменами шумела,
Через Сиваш дивизии вела.

Когда последний поезд от вокзала
Уйдет, холодным солнцем залитой,
Идет туда пусть, где мое начало,
Где занимался век мой золотой.

Р

абы
Успули после боя —
Живой в обнимку с мертвецом.
Он был лицом к лицу
С собою,
Между началом и концом.

Смерть обошла его,
Не тронув.
Плыла над станом тишина.
Но поступь
Свежих легионов,
Из Рима посланных, слышна.

Он примет бой
С отвагой львиной,
~~Он примет участие в битве жив.~~
Спартак
Не явится с повинной,
Безвольно щит и меч сложив.

Пусть обречен,
Но, видят боги,
На гладиаторских кострах,
Как за спиной
Мосты в дороге,
Он сжег неверие и страх.

Пусть
В героическом походе
Не всем судилось уцелеть.
Кто заглянул
В лицо свободе,
Не может рабски умереть.

Исчезнут
Имена злодеев,
Надгробья обратятся в пыль,
Но вспомнит Спартака
Рылеев
И вспомнит Спартака
Джалиль.

Ж

ачая огни над водою,
Машиной дына тяжело,
От темного длинного мола
Последнее судно ушло.

Дремал городок и не видел
В простор уходящих огней.
Привык он к романтике моря
И просто не думал о ней.

Наверное, так привыкают
К земной деловой суете
И к нежным ладоням любимой,
И к юношеской мечте.

А сердце не хочет мириться —
И чем ты поможешь ему?..
Огни уплывают, качаясь,
И пену несет за корму.

И вяжут из пены дорожку
Латунные спицы луны.
У кромки воды остывают
Нагретые днем валуны.

П

орой всплывет
Из-за тумана,
Из-за гряды минувших лет,
Что необманно
И обманно
На сердце положило след.

И обретеня,
И утраты,
Признанья мертвых и живых,
Восходы света
И закаты,
Сомнения горестного миг —

Всё на порог,
Без сожаленья,
Как сходящиеся сны,
Выносит
Времени течение
Из потаенной глубины.

А жизнь торопит,
Ах, торопит!
Не уставай, мое перо!
По малой капле
Сердце копит
Дней бескорыстное добро.

И жизни
Много педоимок
Еще придется мне внести,
Пока порошею
Зазимок
Укроет рощи и пути...

Есть парк в Москве,
Большой и старый,
Там с лебедями мелкий пруд.
Неспешно,
Иногда с гитарой,
К воде влюбленные идут.

Играет детвора
В лошадки,
В лапту гоняет — кто уймет!
А помнится,
На танцплощадке
Стоял зенитный пулемет.

Он бил по «юнкерсу»
Вдогонку,
Свинцом горячим воздух рвал.
~~Спрятав винтовку~~
Девчонку
Я неумело бинтовал.

В соседстве
Загорелась школа,
Таскали воду из пруда.
Тогда
Не пела радиола,
Стрелять учились мы тогда.

Войны

Разбитые дороги

Повзводно уводили нас.

И думалось

В часы тревоги:

Не привыкать... не в первый раз.

А где-то,

За деревней Лиски,

Был бой в невыносимой мгле.

Теперь

Там встали обелиски,

Бойцы под ними спят в земле.

Кому по двадцать,

По семнадцать.

Седых, пожалуй, не найдешь.

Сумей

С достоинством держаться,

Когда ты возле них пройдешь.

Учись

Под пулями не гнуться,

Как те в свои семнадцать лет.

то
... может

Разно обернуться —

Еще пеласков белый свет.

Ж

ас город ждал
В сугробах за рекою.
Плескались
От снарядов полиньи.
Бил пулемет
Над мерзлою землею,
И умирали
Сверстники мои.

Мы залегли.
Бил пулемет с погоста.
Солдат пополз,
Вжимая тело в снег.
Светило солнце
Радостно и просто.
Слепила высь,
И день сиял для всех.

И в этот миг
Немыслимой лазури,
В неистовстве,
Открыв беззвучный рот,
Он встал, шагнул,
Прижался к амбразуре
И умер так.
И полк пошел вперед.

Мы город взяли...
Время, словно глыба,
Загородило
Белизну дорог.
Иван Петров,
За жизнь тебе спасибо,
За то, что встал.
Прости, что я не смог.

С труится время, как поземка,
Запасит милые черты.
А для меня легко и громко,
По-девичьи смеешься ты.

Зовешь в раздолье и сугробы,
Где елки в шапках до бровей.
Снега как жемчуг высшей пробы,
Как царство зимних лебедей.

И две лыжни уходят рядом —
За рощу белую, за луг.
Потом — с горы, под снегопадом,
Так, что захватывает дух.

Мне видится лыжня разведки
За грабью обреченных лет,
Когда наотмашь били ветки
И автомат стучал вослед.

Кто знал на дальних переправах,
Что пули просветит во тьму
И что земля в цветах и травах
Еще откроется ему;

Что будут снова половодья,
И листопады, и снега
И встанет утро, как сегодня,
Намечет спелые стога...

Ты, как дитя, смеешься громко
И обнимаешь все вокруг.
Несется весело поземка
Лебяжьем пухом через луг.

Ж

огда в вагонах
Суeta и свет,
Мне кажется —
Я тоже уезжаю.
Когда все махнут
Поезду вослед,
Мне кажется —
Я тоже провожаю.

В воображение
Я стремлюсь к местам,
Так непонятно,
Странно так знакомым,
Хотя бывать
И не случалось там:
Давным-давно
Не расставался с домом.

А ведь найдется
Дело по плечу —
Поеду ль в степь,
В тайгу ли вековую.
Я каждым вздохом
Ощущать хочу,
Что я живу,
Не только существую.

Наворужи, вокзал,
Мне дальний путь,
Наворужи
Пространство и движение.
Пуškai и мне
Помашет кто-нибудь,
Глаза пускай
Ветров узнают жженье.

П

редвесенние зимние дни,
А снежницы как полные блюдца.
Ветлы в поле покуда одни.
Скоро поле и ветлы очнутся.

Предвесеннее бьет через край.
Тянут мимо пролетные утки.
Ты смотри, замечай и вдыхай —
Не таким будет мир через сутки.

Вдруг сама будешь завтра иной.
Подступает такая погода,
Что в заречье пойдешь не со мной
На протяжный набат леодохода.

Все случается в жизни, поверь,
Впрочем, я — самодельный философ;
Я в теории встреч и потерь
И в жизни в простых вопросах.

Побеседую с первым грачом
О его незатейливых планах,
О починке гнезда пад ручьем
И о всяких превратностях странных.

Покачается грач на ветле,
Утомленный весслой дорогой.
Зацветет веропика в телье —
Ты ее, ради бога, не трогай.

Зацветает она для тебя:
Вся весна — для единственной в мире.
И не пужно, весну торопя,
Поселять ее в душевной квартире.

Ты ищи на просторе весну —
Там и света, и ветра в избытке.
До полуночи я не засну,
На крючок не закрою калитки.

Возвращается с неба вода,
На гнездо возвращается птица...
Пусть мелькнет под окном иногда
Заплутавшая в поле зарница.

А

прель — он легок на помине,
И это, видно, неспроста.
Соломы клочок на рыжей льдине,
Доска снесенного моста.

Зимы растаяло убранство —
И жемчуга, и хрустали.
Под синим парусом пространство
Плывет с верховьев — издали.

Где ровный наст со следом санным,
С лыжнями вдоль и поперек?
Вновь удивленьем несказанным
Повеяло со всех дорог.

В который раз весну встречаю,
На мокрый берег выхожу...
Полгода встречи нашей чаю,
И... баба в простор высту.

Воды и ветра иступленье.
Призывный клик над головой.
Весна идет, как наступленье,
И сердце — на передовой.

...И я прощу, и ты прости

К. К. Случевский

роза внезапно палетела
Со свистом, грохотом, огнем.
Она стремглав смешать хотела
Ненастье ночи с ясным днем.

Ей удалось. И все смешалось:
Вода с землей, с лазурью — мгла.
Дубрава до корней шаталась,
Трава вконец изнемогла.

Вдруг гром затих, обезголосев,
И ливень оборвался сам.
Но поле золото колосьев
Не протянуло небесам.

Земля... Ей добрый дождь по праву,
~~Чтоб ты не жалелась, востать, прилечь~~
Чтоб вихрь сленой не гнул дубраву,
Цветы не мял бы как прищлось.

Земле смятенности не надо
И страсть шальная ни к чему.
Иная у нее отрада...
И ты поймешь, и я пойму.

*В*доль пути
Обвисли провода.
Хохлятся сороки
На столбах.
Серая
Осенняя вода —
В небе, на траве
И на губах.

Опустив
Вагонное стекло,
Ветру
Ты подставила лицо.
Оттянула руку
Тяжело
Обручальное
Твое кольцо.

Едешь ты
Неведомо куда —
Только дальше,
Только позабыть...
Как неожиданно
Грянула беда,
Как легко
Сумел он разлюбить!

Почему
Не бросился вослед —
Навсегда ведь
Уходила ты...
Льет закат
Багряно-тусклый свет.
Дождик сеется.
Гудят мосты.

Ветру —
Целый вечер колесить
На безлюдье
Речек и полей.
Дождику —
До утра моросить...
Говорят,
Что утро мудреней.

Жгут костры в садах поселка.
Неторопливо в синеву
Восходит дым, сырой, тяжелый,—
В садах осенних жгут листву.

Земля обнажена граблями,
Потом еще проплась метла,
И людям нужно почему-то,
Чтобы сгорело все дотла.

Когда бы жгли воспоминанья,
Что жить мешают наяву,
Обиды старые сжигали...
А то ведь просто жгут листву.

(«Ромео и Джульетта»)

У то было смычками пропето,
Досказано вздохом трубы,—
Негаданно стало все это
Простым откровеньем судьбы...
Отчаянно, в заводи света,
О помощи молит Джульетта,
И руки по-детски слабы.
И гаснет по воле поэта,
Как зной итальяйского лета,
Ромео, устав от борьбы...

Суровое сердце Шекспира —
Правдиво и мудро оно:
Надежды людские и горе
В житейском испытывать море,
Вершить биографию мира —
Трагедии высшей дано.

О
вражками
Сошел к реке туман,
Рассеялся
На поймах отдаленных.
Земля в убранстве
Озимей зеленых,
И синевы,
И золотых полей.

Дышать бы всласть
Мне осенью такой,
В погожий день
Забыть о многолюдье.
Но до сих пор
Еще гремят орудья
И совестью
Беснуется покой.

За годом год
Я убивал войну
И знаю цену
Встречам и утратам.
Пусть позовут —
И стану вновь солдатом.
Чтоб жизнь спасти,
Спасти хотя б одну!

Не привыкать,
Как бьет шрапнель, свистя,
Как другу
Перевязывают рану.
Я женщину
Из пламени достану,
Прикрою грудью
Малое дитя.

Открою я
Бездомным лебедям
Небесный путь
К родимым пепелищам.
Не так ли мы
Порог отцовский ищем
В лихой беде —
И с горем пополам?

Лес в золоте
И кое-где багрян.
Играет солнце
В елочках зеленых...
Заступница
Восточных утративших,
Моя земля —
Сестра печальных стран.

П

ереводил Купалу, Коласа —
От всей души, как понимал.
Нет, я не пел с чужого голоса —
У старших опыт занимал.

Они со мной делились чувством,
Раздумья поверяли мне,
И жизнью был, а не искусством
Наш разговор наедине.

Поздней, в полесской деревушке,
Где небогато жил народ,
Мне повстречались Колас, Пушкин,
Купала, Тютчев и Чарот.

На полке самодельной, рядом,
Живые, и не потому ль
Избу не тронуло снарядом —
Одни царяпины от пуль?

Провел я бережной рукою
По корешкам любимых книг.
Стреляли пушки за рекою —
Совсем недалеко от них.

Бой нарастал у переправы,
На заболоченной реке.
Поэты, как вы были правы
В любой — о Родине — строке.

Когда б вы видели солдата,
Что мир спасал — в огне, в дыму,
Спасал Поэзию, когда-то
Глаза открывшую ему!..

Я хочу,
Чтоб слово было вечным.
Если же
Ему не по плечу,
Будет пусть
Простым и человеческим,
Теплит для людей
Свою свечу.

Не могу я жить
С людьми в разлуке,
Сиротой бродить
В родном краю.
Я тяну к ним строки,
Словно руки,
Со строкою
Сердце отдаю.

Девочка головку наклонила,
Глядя в восхищенье с колесницы,
Как на жарком побережье Нила
Чистят зубы крокодилам птицы.

В стороне увидела феллаха —
Колесо крутил он водяное.
Кожа, будто старая рубаха,
Лопалась от пота и от зноя.

Поглядела, как худые дети
Из песка готовят хлебцы дружно.
Только волны при небесном свете
Все смывают, словно так и нужно.

А потом она царицей стала.
Поначалу страшно, как на плахе.

О голодных детях, о феллахе.

Всех владык богатствами затмила,
Песнетворцев щедро награждала,
Льва-любимца пленными кормила,
Сладкого бессмертья ожидала.

Но и ей в удел досталось тленье —
В смерти стала наравне со всеми.
Все ж до нас ее изображение
Донесло немыслимое время.

Властная жестокость, поглядите,
Навсегда в глазах окаменела.
Где же ты, подросток Нефертити,
Что детей голодных пожалела,

Что в слезах смотрела на феллаха —
Колесо крутил он водяное.
Кожа, будто старая рубаха,
Лопалась от пота и от зноя...

*В*ремя сумеркам спуститься...
В тишине прохладных вод
Лебедь, царственная птица,
Белым облаком плывет.

Белым облаком, виденьем,
Будто яви светлый сон.
Неразлучен с отраженьем,
Молча проплывает он.

Все темнее, гуще краски,
И уплыл он, как ладья,
Что скользит к началу сказки
От истоков бытия...

Ж

артошку роют и в корзины
Ссынают жепщины, потом
Выносят к большаку мужчины
Плетенки с выпученным дном.

А ветер поле осыпает
Летучей солнечной листвою,
Косынки весело вздувает,
Целует в щеки сам не свой.

И выпрямилась молодая,
И отвести не может глаз:
Кружит листва, как птичья стая,
Какая осень удалась!

На чернозем багрец ложится,
Литого золота листы,
И просто голова кружится
От света и от красоты.

Сегодня золоту раздолье.
Лети по ветру допоздна —
С опушки в поле, через поле —
Лесов несчетная казна!

К потемкам осень разорится,
Все разбазарит — до гроша.
А молодой все будет сниться
Веселой осени душа.

Пускай приснится на рассвете,
В канун погоды дождевой,
Что словно кто-то (ой, не ветер!)
Целует в губы сам не свой.

*М*окрый воздух,
Мокрая земля.
Голый лес
И голые поля.
На деревне —
Тихие дымы.
Осень отошла.
И нет зимы.

Жизнь моя,
Скажи ты мне сама —
Скоро ль к сердцу
Подойдет зима?
А не знаешь —
Возврати скорей
Из-за моря
Первых лебедей!

Н

адо ж было случиться,
Чтоб в поезде
Я узнал поворот головы...
В нашей давней
Лирической повести
Не хватало последней главы.

Ты сидела
Такая сторонняя,
Будто вовсе не знала меня,
Будто не было
Грая вороньего
И зеленого нашего дня.

Но ведь было же,
Было же, было же!
Ты же сама открыла сама.
Хоть травинку
Из памяти выложи,—
Может быть, пощадила зима.

Я искал так упрямо,
Неистово,
Но молчали земля и вода,
Онемели
Перроны и пристани.
Ни строки. Ни слезы. Ни следа.

Ты взглянула
Ни старо ни молодо,
Словно свет отрешенного дня.
Так из мглы
Потускневшего золота
В детстве ангел смотрел на меня.

Встала,
Взяв чемоданчик поношенный,
Чуть кивнула и — молча к двери.
Я остался,
Чужой и непрошенный.
Ну, хоть что-нибудь проговори!

Сквозняком
Потянуло вдруг в поезде.
За окном бесконечные рвы...
Видно, легче живется нам
В повести,
Если нету последней главы.

*В*се сеется дождик —
И ночью, и днем.
Природа — свободный художник —
Не хочет писать под дождем.

Поля отсырели,
И даль не видна.
Размыты ее акварели,
Смешались, расплылись тона.

В смешеньях, наплывах
Не надо искать
Пейзажей дородно-счастливых,
Где только одна благодать.

Обобран и вымок
Березовый лес.
Теперь уж до самых зазимок
Ты здесь не увидишь чудес.

Безгласно, безлюдно
И словно мертво.
Но зреет в природе подспудно
Для новых картин естество.

Угадывай, глядя
Глазами тоски,
Тумана заречного пряди
И думай, что дали близки.

Угадывай лица,
И счастья слезу,
Зарю, что до полночи длится,
И тихое поле внизу;

И легкий этюдник,
И кисти размах...
И в праздник веселый и в будни
Чудесный художник в трудах.

Учись у природы —
В лесу и в степи,
Лови и мгновенья и годы
И замыслы в сердце копи.

Ничто не сотрется,
Не канет во тьму.
А время — оно разберется:
Что нужно, а что ни к чему.

1

*М*елькнули крылья с реактивным ревом
И над рекою
Круто взмыли ввысь...
На этих склонах Герцеп с Огаревым
На жизнь и смерть
Свободе поклялись.

Но знать еще России злые ночи,
Владимирку,
Озноб глухой тюрьмы,
Пока свобода ей омочит очи
И ледоход
Обрушит свод зимы...

И юноши сопли к воде, а следом —
Веселый гомон,
Чьи-то голоса.
Но этот мир был юношам неведом,
Хоть с их мечты
Он и начался.

2

Студенчество! Воинственное племя,
Мечтательная
Молодость земли!
Соратниками сделало вас время,
Хотя и в сроки разные
Пришли...

Брожу по склонам в тихий день осенний,—
Небесный свод
Пронизан светом весь,—
И думаю о судьбах поколений,
О юности,
Дававшей клятву здесь.

Ей так, наверно, счастливо дышалось
И верилось до жгучих слез
Тогда,
Что где-то в отдаленье занималась
Предсказанная Пушкиным
Звезда!

П

апоротник
Стаи совсем белесым,
Распростились ветки с желтизной.
Я иду
Белоколонным лесом
К луговине — просекой сквозной.

Нет в лазури
Клиньев журавлиных —
Улетели словно бы вчера.
Серые стога
Стоят в долинах.
Мглистее, студеней вечера.

Позабудет
Горечь понемногу
Алая рябиновая кисть.
Ах,
Чуть заметет дорогу,
Станут зайцы втихомолку грызть.

Белый соп —
Он долго будет длиться
Под неторопливый снегопад,
И земле
Не нужно рвать страницы —
Ни строки, ни слова невпопад.

Ей снега обильные
Не в бремя —
Только благодарность небесам.
Стынут воды,
И восходит семя —
Солнце все дарует по часам.

Сердце человеческое
Тоже
Дышит предвозвестьем тишины.
Жить ему
Задумчивей и строже,
Как земле, безмолвной до весны...

В

слесым пологом летучим
Снег колыхался в поздней мгле,
Но снега не хватило тучам —
И нету снега на земле.

И снова, осени в угоду,
С рассвета мелко моросит,
Как будто просевают воду
Сквозь донышки несчетных сит.

Мне никуда спешить не надо
И некого перегонять.
Полей затишью сердце радо,
И это так легко понять.

Мы часто в городе шумливом,
Где места нет ночной росе,
Где негде притулиться ивам,
Живем, —

И жизнь тогда обдумать трудно —
С родной землей наедине,
И не поют ключи подспудно,
По-детски доверяясь мне.

А тут — смотри! — какие шири
До горизонта пролегли...
Как жить, когда б исчезло в мире
Доброжелательство земли?

Пусть даже, осени в угоду,
Все моросит и моросит,
Как будто просевают воду
Сквозь доньшки несчетных сит.

Идет, идет дорога полем,
И нет конца... и нет конца...
Зачем порою мы неволим
Свои и души и сердца?

С дорогой рядом по колени
Нетронутый, сыпучий снег.
Свечение снега. Полутени.
И у калитки тихий смех.

Упал на девичье запястье
Далекий луч звезды ночной.
Вот и пришло со снегом счастье,
Не обязательно — весной.

ЭМ

ы спи, дорогая,
укройся и спи.
Теперь уже поздно.
Беззвездно. Морозно.
Глядишь, и метели
сорвутся с цепи.

По-детски
твоя розовеет ладонь.
Забыть о тревогах,
О дымных дорогах
Нас просит,
в печи напевая, огонь.

А ты молчаливо
глядишь на меня.
И даже с упрёком.
О годе далеко
Ты вспомнила,
слушая голос огня.

Нам, видно, забыть
ни о чем не дано...
Ах, если бы память
В полночную заметь
Умчало и — в прорубь,
на самое дно!

Но, знаю, и там —
глубоко подо льдом —

Она б не застыла

И не позабыла

О нашей тревоге,
о веке крутом.

Огонь напевает:

усни... позабуди...

И правда, уж поздно.

Метельно. Морозно.

Усни, дорогая.

Попробуй уснуть.

А я посижу,

за огнём пригляжу.

А утро чуть встанет

И в окна заглянет,

Я сказку о счастье

тебе расскажу...

Вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи

Вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи
вот так и живи

Земля в снегу.
Луна в снегу.
Заснежье чистое — без края.
Колкучий ветер
На бегу
Свистит, поземкою играя.

Рванется,
Ставней прогремит
И снова кинется куда-то...
А в дальнем крае
Пирамид
Ныряют в плавнях лебедята.

У нас
Еще крутой мороз,
Бездомно гоняют метели.
В зимовье
Голубых берез
Ветра зимы не отсвистели.

Пускай
Гуляют и свистят, —
Взбуждают исподволь озера,
И скоро «Лебеди летят!»
Мальчишка крикнет с косогора.

Рукой
Помашет издали,
Давая знать соседским детям...

Когда б народы
Стать могли
Хотя б на миг ребенком этим!

*Д*ай силы далеко идти,
Нелегких дней нести заботы.
Берестой чистою свети,
Цветочным медом полни соты;

Селиться в сердце возбрани
И празднословью, и неверью,
Родной малиновкой звени,
Покуда смерть не хлопнет дверью...

Шестидесятая весна,
Спасибо, что приходишь рано.
Будь как тридцатая ясна
И как двадцатая — безгранна!

ПЛЕЩЕЕВО ОЗЕРО

России	7
Паводок	10
Летят журавли	11
В дни половодья	13
Бессонница	14
Старый лось	16
Девочка играла гаммы	18
Плещеево озеро	20
В лугах	23
Лесная сказка	24
«Нам тесен купол синей крышцы...»	25
Речка Сетунь	26
Старая ива	27
«На взгорке сосны...»	29
Рапым-рано	30
Ты согласишь в парк...	31
«Если хочешь на раздолье видеть...» . . .	33
Ровесникам	34
Памяти друга	35

«О, этот бой с утра!..»	36
«Двадцатый век, он к людям был жесток...»	37
«Ты в юности еще приснилась мне...»	38
«Только горе бывает гранитное...»	39
Три ветра	40
На Амуре	41
«Цветы цветут на праздничном столе...»	46
«Не грусти, что вечереет...»	47
Связь времен	48
Форнарина	51
Памяти матери	52
«Я разложил костер на берегу...»	53
На могиле А. С. Грива	54
Дружба	56
Граница в горах	57
Спутник земли	58
Война прошла	59
Искусство	61
В родных местах	62
«Опущка в позолоте тусклой...»	63
«Недавно кусты бересклета...»	64
«Пустыня пора листопада...»	65
Осенью	66
В командировку	67
Осенняя поэма	69
«Пойми, я совсем не лукавлю...»	79
Конец декабря	80
«Снежило. Выюжило. Мело...»	81

«Толчок — и лыжи понесли...»	82
Тошится печь	83
С полустанка	84
«Валит снег, и в поле завтра...»	86
В квартире Пушкина	87
Дзинтари зимою	88
Весна в Балтийске	89
Скоро ледоход	90
Песенка	91
Опять весна	92

ЭТА НЕЗАПАМЯТНАЯ НОЧЬ

В мирозданье Земля вращается	95
Открой глаза на белый свет	96
Считая ножкой тьму насечек	98
Как трудно в человеческой гуще	99
Колокола весны	100
Посвящение	101
Вдвоем с тобой, у лампы тихой	103
Смотри, как беглая вода...	105
За две тысячи лет	107
Внучка	109
Кукушка	110
Поэту	111
Зимняя сказка	112
Звезда покинула созвездье	113
Нац синий день — он будет непременно	115

В концерте	116
В ночном саду осенняя дремота	117
Пронесся свет, неведомый и резкий	118
В темном поле	120
Опять звучит тревожный зов	121
Тошишь печь, погасив электричество	122
Баллада	123
Свищут мокрые ветки на мокром ветру	125
Фляги не было, как на грех	126
Чудо	128
Едет, едет весна	130
Плышет военная дорога...	131
Я вижу свет двухтысячного года	132
Вы помните	133
Давным-давно...	135
Слово о Москве	136
Предание	137
В зыбком свете	138
Над книгой Марины Цветаевой	139
Ночной гость	141
Память	145
Спутницы	146
Казахстанские елочки	147
Апрель в снегу	148
Леп	149
Сегодня щебетом и свистом	151
Прощание с лесом	152
Ты говорила мне: «Не мудрствуй»	154

Костры не гаснут	155
В луче рассвета	156
Если выйдешь ночью погулять	158

МЕТЕЛИ И ЛЕБЕДИ

За снеговым туманом	161
«Люмая двери...»	163
Весенняя бессонница	165
«Ослабевает все-таки мороз...»	166
Строки для дочери	167
Весенняя капля	168
Апрельский этюд	169
За час до рассвета	170
Ключ в тени ветвей	171
«Постепенно отходит беда...»	173
Китеж-град	174
Под весенним небом...	176
В эти дни	178
«Вечны связи листвы вскипевшей...»	180
«Смотри. смотри...»	181
На Каменном мосту	182
Я старые свои стихи листаю	184
Спартак	186
В приморском городке	188
В сумерках	189
Есть парк в Москве...	191
Мы брали город	193
«Струится время, как поземка...»	195
На перроне	197 /

Предвесенние зимние дни	199
Апрель — он легок на помине	201
Внезапная гроза	202
«Вдоль пути...»	203
Жгут листву	205
Слушая Чайковского	206
«Овражками сошел к реке туман...» . . .	207
Переводил Купалу, Коласа...	209
«Я хочу, чтоб слово было вечным...» . .	211
Царица	212
«Время сумеркам спуститься...»	214
Веселый день	215
«Мокрый воздух, мокрая земля...» . . .	217
Осенний поезд	218
Все сеется дождик	220
На Ленинских горах	222
«Папоротник стал совсем белесым...» . .	224
Кауцы зимы	226
«С дорогой рядом...»	228
Ты спи, дорогая	229
«...»	231
«Дай силы далеко идти...»	233

Николай Николаевич Сидоренко

ТРИЛИСТНИК

М., «Советский писатель», 1980, 240 стр.
План выпуска 1980 г. № 224

Редактор **Г. Г. ВАЛИКОВ**

Худож. редактор **Д. С. МУХИН**

Техн. редактор **Т. С. КАЗОВСКАЯ**

Корректор **Т. В. МАЛЫШЕВА**

ИБ № 2328

Сдано в набор 26.05.80. Подписано к печати 21.10.80. Формат 70×108¹/₂. Бумага тип. № 1. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,50. Уч.-изд. л. 6,35. Тираж 25 000 экз. Заказ № 540. Цена 85 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109